

**ЭКИПАЖУЗ,
МОН
БИОГРАФИЯ**

В. Горбенко

СЛОВО ОБ ЭТЭКе

Вы еще не бывали у нас? Не дышали нашим воздухом, напоенным полынью и свежестью Иртыша?

Собирайтесь. Мы отправляемся на ЭТЭК.

..Степь за окном сменяется зелеными барьерами лесных полос, потом громче застучат колеса — и вспыхнет вдруг в вечерней темноте необозримая россыпь огней. Если вы едете впервые, то вас удивит, что огни сияют далеко внизу.

Спешите к окну, не пропустите эти минуты: начинается ЭТЭК, это первый знак о нем — разрез «Центральный». Внизу светятся огни экскаваторов и электровозных составов, там трудятся горняки на **ЕДИНСТВЕННЫХ В МИРЕ УГОЛЬНЫХ РАЗРЕЗАХ** такой мощности.

Здесь можно снимать научно-фантастические фильмы, действие которых происходит где-то на неизвестной планете. На многие километры простирается отвал — рукотворная гора геометрически правильной формы. Размеры его не просто впечатляют, при первом, особенно неожиданном, взгляде хочется на секунду зажмуриться — так непривычно, ошеломляюще представшее перед вами зрелище — прямо из полярной степи вздымается серебристая стена породы.

Вспоминается забавный случай. Тогда о разрезе «Богатырь», крупнейшем открытом угольном разрезе, только начинали говорить. Разумеется, одно его название вызывало в воображении представление о чем-то совершенно необычном, внушительном и впечатляющем — именно богатырском.

...В рейсовом автобусе, которым я с товарищами добирался в Экибастуз, ехал молодой парень в солдатской форме, видимо, демобилизованный. Он оказался общительным, охотно рассказывал о себе, о своих друзьях-экибастузцах, расспрашивал о местах, в которых решил жить и работать, и вдруг среди разговора неожиданно замолчал, уставившись восторженным взглядом в появившиеся за окном стены отвала.

Молчал он недолго, но на лице его сменились за эти секунды десятки выражений — от недоверия к своим собственным глазам до восторга.

Тогда-то он и сказал слова, которые мы часто вспоминаем:

— Узнаю «Богатырь»!

Мы переглянулись, сдержали невольные улыбки и не стали разуверять недавнего солдата. Мы не стали ему говорить, что это всего лишь место для складирования ненужной пока пустой породы, что настоящий «Богатырь» находится довольно далеко отсюда и непосвященному вовсе богатырским не покажется. Мы не стали говорить ему, что, по нашему мнению, отвалы портят вид города и не мешало бы сразу расположить их подальше, где-нибудь в десятке километров в степь.

Он все узнал сам, молчаливо решили мы. тогда, конечно, не отвалы, как бы велики они ни были, заставят восторгаться его, а те люди, что сотворили в голой степи чудеса.

Город начинается с девятиэтажных домов, белыми колоннами поднявшихся вдоль магистрального проспекта имени В. И. Ленина. Башни девятиэтажек придают Экибастузу оригинальность — то качество, которого так не хватает нашим молодым городам.

Мы пойдем по городу, не торопясь, присматриваясь к приметам недавнего прошлого и узнавая приметы скорого будущего. Начнем прогулку от памятника. Вам может показаться, что он расположен несколько неудачно — у самого выхода из железнодорожного вокзала, замкнутый в небольшом пространстве. Но нет оснований сомневаться, что ему найдут более достойное место.

А памятник этот — просто ковш экскаватора, того самого, которым двадцать пять лет назад машинист Николай Николаевич Колотев загрузил первый эшелон экибастузского угля. Он стоит на невысоком постаменте, этот

стальной безмолвный свидетель времени, но такой красноречивый. Он помнит, как вздрогнули упругие тросы лебедок, как опустилась стрела «Уральца», и стальные зубья ковша, покрытые заводской окалиной, впервые вгрызлись в миллионнолетние пласты черного экзистенциального угля, матово сияющего на изломе, как дрогнул воздух от радостных «ура» людей, начавших великое дело.

Ковш отработал свое. Когда-то казавшийся объемистым, он сегодня маленький ковшик маленького экскаватора, совсем малютка по сравнению с двенадцатикубовыми ковшами современных машин, и вовсе не выдерживающий никакого сравнения с роторными колесами высотой в четырехэтажный дом. Николаю Николаевичу потребовалось больше часа, чтобы загрузить первый состав, а современные роторные комплексы производительностью пять тысяч тонн угля в час делают это за считанные минуты.

Но все-таки при взгляде на него вспоминаются слова Владимира Маяковского, сказанные по другому поводу, но удивительно подходящие и в этом случае. Помните: «Железки строк случайно обнаруживая, вы с уважением ощупывайте их, как старое, но грозное оружие».

Старое, но грозное оружие... Оружие первых послевоенных пятилеток, оружие восстановления народного хозяйства страны.

О самом городе цельного впечатления у вас, вероятно, не создается. Вас удивит, озадачит, а может быть, и несколько встревожит соседство вполне законченных микрорайонов с об-

ширными пустырями и приземистыми домами старого города. Рядом с домами, утопающими в зелени, вы встретите такие места, где и трава не растет. Но не торопитесь обвинять строителей, планировщиков, жителей микрорайонов. Просто не успевает природа за человеком, не успевают вырастать кусты, деревья так быстро, как вырастают дома, детские сады, школы, торговые предприятия. Не запланированы природой такие темпы — что тут поделаешь! Но все же чтобы сравнить прошлое с настоящим, давайте вернемся лет на тридцать назад.

...Один из руководителей крупной строительной организации то и дело отвлекался от нашего разговора, который происходил в его кабинете. Звонили по разным вопросам: требовали цемента, кирпичей, креплений, опалубки, столярки, стекла, специалистов.

Вошел председатель месткома и принес решение о распределении квартир. Мой собеседник внимательно читал список.

— А (была названа фамилия) не сможет пару месяцев подождать? — спросил он председателя месткома и услышал в ответ энергичное и даже обиженное:

— Такой работник! Конечно, нет.

Когда список был утвержден и председатель месткома ушел с несколько торжествующим, даже праздничным видом, мой собеседник подошел к окну, отдернул штору, впустив в прохладный кабинет ослепительное белое солнце, и сказал:

— Видите — вон там, у дома, человек стоит? Я кивнул.

— Так вот... такое, понимаете, дело...

Он казался несколько смущенным, руководитель крупной строительной организации.

— На том месте три десятка лет назад моя землянка была,— продолжал он.— Никаких, знаете, жилищных проблем. Взял лопату, досок привез, через два дня — новоселье...

Он помолчал, и улыбка сменила смущение.

— В следующем квартале планируем на том месте закладку стоквартирного. Как думаете, есть смысл в нем квартиру себе просить?

Я не ответил, да он и не ждал ответа. Много можно было бы сказать, но есть моменты, когда лучше помолчать...

И следа не осталось от той далекой землянки, от тех дощатых топчанов, сколоченных из списанных досок, от щелястых столов и промерзающих насквозь стен, от запаха земляного жилья, что так живо и точно помнится еще многим людям. И потому так требовательны они к нам, потому так радуются нашим успехам, потому они так беспощадны к себе. Но куда ярче и радостнее помнится им и согревает их не одно только трудное, неудобное, неуютное. Всю оставшуюся жизнь светит им и будет светить главное, что сделано их руками, а землянка — просто необходимая и понятная часть той нелегкой жизни.

Нет, думал я, не надо брать вам квартиру в этом доме. Пусть тот ценный работник, который никак не может подождать пару месяцев, и все его товарищи, и все его земляки, поселившись здесь, сами того не подозревая, начнут жизнь свою от этого памятного для вас рубежа, и дети их продолжат начатое вами.

Город похож на туго натянутый лук, выпуклая сторона которого — старейший первый (теперь «Центральный») разрез, а на тетиве, как стрела, устремленная в небо, — телевизионная вышка, расположенная точно в центре полукружья. Еще два года назад она стояла одиноко на пустыре, и ветер кружил в ее стальных опорах. Сегодня же рядом с ней расположился прекрасный больничный комплекс, оснащенный современнейшим оборудованием, и растет благоустроенный микрорайон. Дома возводятся надежные, рассчитанные и на зимние холода, и на летнюю жару. Новоселам, успевшим здесь поселиться, с полным основанием завидуют. Но завидовать, пожалуй, не стоит. На вооружении строителей нового города — самые лучшие проекты, и любой новосел, где бы он ни получил квартиру, может рассчитывать на комфорт и удобства.

В Экибастузе строят очень много. Так много, что два-три года назад цифры, ставшие сегодня привычными, в лучшем случае вызвали бы скептическую улыбку. Судите сами — только энергостроители, главной задачей которых назначено возведение Экибастузских ГРЭС, ежегодно будут вводить в строй не менее пятидесяти тысяч квадратных метров жилья. Сейчас в городе насчитывается около шестидесяти тысяч человек. Масштаб стройки поразителен, не правда ли? А ведь кроме жилья ежегодно строятся детские сады, каждые два года — школы, торговые и культурно-бытовые объекты.

Не многие города нашей страны отличаются такими темпами строительства. Но они понят-

ны каждому, кто знает, каким станет в ближайшее время Экибастузский топливно-энергетический комплекс, какие огромные надежды возлагаются на него. Но подробнее об этом — немного позже, когда мы с вами придем на площадки строящегося каскада гидроэлектростанций.

А сейчас познакомимся с первостроителями. Многих мы застанем, вероятно, дома, с другими встретимся на их рабочих местах, за любимым делом.

Андрей Ефимович Зеленкевич живет в Соцгороде. Этот район так называли в те времена, когда обычным жильем служили барак или землянка, а здесь, в некотором отдалении от разреза, поднимался стройный ряд уютных двухквартирных домов. Они сразу бросались в глаза, эти дома — хорошо спланированные, поставленные в удобном месте, отвернувшиеся от резкого ветра. И название их не случайно — это был действительно социалистический город, и весь Экибастуз тогда представлялся таким. Он стал лучшим — многоэтажным, светлым, красивым.

Несмотря на неоднократные предложения Андрей Ефимович вовсе не собирается променять свою половину дома на квартиру в многоэтажной постройке, и тому есть крайне уважительная причина. Нет, дело не в привычке, не в том, что среди этих стен прошли многие годы его жизни, что здесь рождались и вырастали его дети. Главное все-таки в другом. Это станет понятным, если мы внимательнее приглядимся к дому и к тому, что его окружает, что придает ему неповторимость.

Цветы. Озеро цветов, вольно разлившееся по усадьбе.

Деревья. Всегда шумящие деревья — на земле, которая, как были уверены все, не способна вырастить ничего, ценность которой только и лишь только в угле, который она скрывает.

Сегодня все уверены в обратном. Но тогда, десятки лет назад, какими шутками встречали «чудаков», привозивших из поездок саженцы! Уголь и пыль — вот и весь Экибастуз, уверяли их.

А «чудаки» не сдавались. Первым преодолел скепсис ныне покойный Матвей Петрович Ишутин, работавший тогда в прокуратуре города. Он добился своего. Сначала робко, болезненно, через силу приживались саженцы осин и тополей, чахли прутики кустов, взятых из иртышской поймы. Ухода за ними потребовалось больше, чем за детьми, говорил Матвей Петрович. Очень скоро все в Соцгороде заболели одной прекрасной болезнью — украшать свой город деревьями и цветами. И оказалось, что земля Экибастуза, хотя и требует немалых усилий, но на отдачу щедра.

Иной раз смотрю я на эти первые деревья и думаю: удивительно похожа их судьба на судьбы людей. Кому приходится труднее всех? Первым. Потом, после них, если и не на готовенькое приходят, то как-то легче все же, словно дорога расчищена и об устройстве ее думать не приходится. Первые саженцы долго болели, трудно приживались, а потом, после них, легко и просто вырастают на земле экибастузской самые неожиданные для этих мест растения:

яблони, сливы, вишни. Экибастузцы твердо уверены, что вырастут им на радость и детям на усладу небывалые сады.

Андрей Ефимович Зеленкевич был едва ли не вторым человеком, взявшимся за садоводство. И, наверное, оттого прикипела у него душа к этому дому, к этому преображенному им клочку земли...

Биография Андрея Ефимовича началась в большом прииртышском селе, продолжилась в Караганде, где он закончил ремесленное училище, и навсегда осталась связанной с Экибастузом.

Он не любит говорить о себе, и его скромность уже вошла в поговорку. Потому расскажу о нем я.

Тому уже тридцать один год, как экскаватор Андрея Ефимовича, управляемый не слишком опытными руками, вынул первый ковш вскрышной породы. Сколько миллионов кубов погружено с той поры? Едва ли можно подсчитать, да и зачем? Главное, что неутомимо добывает он «черное золото», которое так необходимо стране.

Приятно смотреть, как он работает. Крепкие большие руки спокойно лежат на рычагах управления, и кажется, что он вовсе не думает, как опустить ковш, куда направить стрелу, в какой момент открыть замок и высыпать набранную породу,— это словно происходит само собой.

Это и в самом деле так — сказываются годы опыта, превосходное знание техники, высокий профессионализм. Мастера видно по почерку, а Андрей Ефимович «пишет» великолепно.

Уголь добывать непросто. Здесь главное — точный и верный расчет, чтобы и машину не перегружать, и результатов хороших добиться, и обстановку в коллективе создать нормальную. Иной за выработкой погонится, рванется к рекорду — смотришь, и задохнулся на полпути. Машину угробил, коллектив развалил, потерял доверие ребят. Бригадиров на разрезах — считанное число. Машины-то все мощные, высокопроизводительные, и там, где раньше два-три десятка экипажей работали, сегодня три экипажа управляют. Это значит, что каждый человек на виду, знают и хорошие стороны его, и плохие.

Поэтому для настоящего бригадира в работе важна не только тактика, но и стратегия.словно в генеральном сражении, только не на часы и дни рассчитанном, а на долгие годы.

Труд Андрея Ефимовича, его преданность городу, большая, если можно так выразиться, продуктивность его жизни (попробуйте-ка подсчитать всех его учеников, ставших заслуженными шахтерами, мастерами) принесли ему и награды, и почет, и уважение товарищей по труду.

— Это очень талантливый рабочий, — сказали о нем в парткоме объединения Экибастуз-уголь.

Такие утверждения — примета нашего времени, присущая только нашему строю. Не слепой исполнитель, не одушевленная приставка к машине, не самый дешевый инструмент, а талантливый рабочий!

Давайте зайдем еще в один дом. Нас встретит Жумат Омашевич Омашев — почетный

гражданин города, кавалер многих орденов и других наград Родины, персональный пенсионер. Годы, конечно берут свое — выбелили голову, отняли часть сил. Но он по-прежнему весел, остроумен, словоохотлив. Память Жумата Омашевича сохранила многое, и рассказывать об этом он умеет. Его охотно приглашают в школы, в Дома пионеров, на вечера встреч молодых с ветеранами труда. И самое незабываемое, самое дорогое связано в памяти Жумата Омашевича и в жизни его именно с Экибастузом, с его дорогами.

Лет тридцать назад в Павлодаре едва ли насчитывался десяток-другой автомашин, да и те, за небольшим исключением, горе были, а не машины. Ни железнодорожного моста, перекинувшегося сегодня через Иртыш, ни железной дороги, что соединяет сейчас Павлодар с Экибастузом и со всей страной, еще не было. Но грузы для Экибастуза поступали, они были необходимы ему как воздух, и надо было доставить их быстро, без задержек, чтобы поддерживать новорожденную стройку. И здесь незаменимыми оказались автомашины. И та самая дорога, которой не было, вместо нее — степь, замеченная снегами, где даже и кошары овечьей не встретишь.

Сколько пришлось Жумату Омашевичу колесить по ней! Сколько раз казалось, что вот этот рейс не будет закончен никогда, что он — последний... Пронизывал насквозь ледяной ветер, морозный бензин жег руки, металл мертвой хваткой впивался в нагретую кожу, хотелось есть и спать.

Для костра он собирал курай — когда не-

вмоготу становилось без тепла. А в кузове лежали пиломатериалы.

Обедал промерзшим хлебом, и зубы ныли от холодной черной массы. А в кузове лежали продукты.

Сто двадцать непередаваемо трудных километров, двое суток пути. Пять-шесть часов сна в переполненной землянке, чашка горячего супа, и снова сто двадцать километров. Остановка мотора: продуть карбюратор, обжигая губы и легкие морозным бензином, до изнеможения вертеть ручку, боясь, что вот еще минута, и уже замерзнет металл, и ничем не оживить его...

Посмотрите же на дорогу глазами Жумата Омашевича, порауйтесь, как радовался он, преодолев этот путь без сна и тепла за двое суток. Может быть, вам понятнее станут слова стариков, от которых, нечего душой кривить, мы иной раз пренебрежительно отмахиваемся, когда упрекают они нас в нашем недовольстве, когда удивляются: и чего же нам не хватает, и что это мы все недовольны? Но не оттого ли и недовольство наше, что легко нам все дается, слишком комфортабельна дорога, уже проложенная для нас? Потому и нелишне взглянуть на дорогу глазами Жумата Омашева, на новый дом — глазами того моего собеседника, что так просто решил жилищный вопрос тридцать с лишним лет назад, на роторный гигант-экскаватор — глазами Николая Колотева, грузившего первый эшелон экибастузского «черного золота».

Для них название это — «черное золото» — не было расхожим, приевшимся журналистским штампом. Золото душ человеческих, рук

человеческих, человеческого упорства в тех обстоятельствах, которые казались — да и были — почти безысходными и из которых они сумели найти выход. Дороже настоящего золота был им этот уголек, этот горячий камень.

Не потому ли они так скупы на воспоминания? Может быть, опасаются, что не поймут их, не увидят, что было скрыто за их самоотречением, повседневным будничным подвигом, что заставляло не думать о себе, своем здоровье, благах для себя. Может, и в этом причина их словесной скупости. Но тем дороже то, что они говорят. Их слова — тоже золото.

Однако ЭТЭК — это не только прошлое. ЭТЭК — это еще даже не столько настоящее, сколько будущее — ближайшее, но будущее. Сама идея Экибастузского топливно-энергетического комплекса и Павлодар-Экибастузского промышленного региона могла появиться лишь благодаря феноменальным запасам угля, невероятно доступного. Мне пришлось говорить на эту тему со многими крупными специалистами, знатоками и просто увлеченными людьми. Они единодушны были в одном — экибастузские залежи угля необыкновенны, их происхождение не может быть объяснено традиционными теориями, настолько этот природный феномен противоречит общепринятым постулатам.

Ну, что ж... Это дело специалистов — объяснять выискивать факты, строить непротиворечивые теории. Мы говорим лишь о том, что есть.

Надо заметить, что такое скопление угля, такое необычное его расположение и открытые выходы на поверхность земли поражают не только ученых. Лучшее доказательство тому —

народные легенды. Их много. И о чабане, сложившем очаг из черного камня и с удивлением обнаружившем, как вместе с сушняком сам очаг загорелся ярким жарким пламенем; и об охотнике, что развел костер на черной земле, на которой, как он подумал, и до него разжигали костры, и увидевшем, как загорелась эта земля. И многие, многие другие.

Но самым достоверным и исторически доказанным фактом является находка Касыма Пшембаева в 1886 году. Обнаружив горящие камни, он поспешил с ними в Павлодар, оставив на месте их нахождения два куска калкаманской соли. Так возникло название — Экибас-туз — две головы соли.

Касым Пшембаев был «щедро» вознагражден павлодарскими воротилами, купцами и промышленниками: десять рублевиков, два халата и несколько плиток чая получил он за сведения о находке, ценность которой трудно с чем-либо сравнить.

В Экибастузе еще поставят памятник Касыму Пшембаеву. Память людская на благодарность не скупится.

Так и видятся мне ухмыляющиеся физиономии всех этих деровых, деевых, ярковых, довольные лица английских концессионеров, что шакалами примчались на нашу землю с мечтой выжать из нее и из нас все — до последней капли пота, до последней капли крови. И рядом с ними — над ними! — я вижу лицо экибастузского шахтера дореволюционной поры. Камера Д. П. Багаева, известного краеведа и первого в Павлодаре фотографа, навсегда запечатлела его. Измученный человек в донельзя

изорванной одежде пытливо смотрит из-под испачканного углем головного убора, который и не знаешь, как назвать. Он опирается на обушок кирки и оттуда, из тех лет, спрашивает нас... Нам понятно, о чем он может спросить. И сегодня мы отвечаем ему новым городом, вставшим на месте поселка Карашахты, и небывалыми машинами, пришедшими на смену его кирке, и своей жизнью, как день от ночи отличающейся от его жизни.

Прошу вас — знакомясь с разрезами и с людьми, которые там работают, не забывайте это пытливо смотрящее на нас лицо.

Описать разрезы невозможно. Их надо видеть, в них надо спуститься, вдохнуть тот воздух, которым они пропитаны, ощутить атмосферу необычности, которая в них присутствует. Возможно, это дыхание разбуженных недр, чуть заметное дуновение от застывших пластами веков. И это — уголь, это — разрезы. С пластов мощностью до ста пятидесяти метров сняли оболочку пустой породы, обнажив их сияющее тело. Здесь и там, на всем протяжении разрезов, на уступах, похожих на ступеньки гигантской лестницы, стоят экскаваторы, чем-то похожие на океанские корабли. Их роторы методично вгрызаются в толщу угля, и измельченная его масса заканчивает свой путь в платформах. Дальше — электростанции. Обладающий сравнительно высокой зольностью, уголь Экибастуза незаменим, однако, в качестве энергетического топлива.

Производительность роторных машин ошеломляющая. Начинали здесь с экскаваторов емкостью в один-полтора куба, затем перешли на

восьмикубовые машины уральского завода и совсем недавно освоили комплексы производства Германской Демократической Республики. Их мощность — тысяча тонн угля в час, и они во многом способствовали дальнейшему развитию Экибастузского бассейна. Но и эти машины представляются слабосильными рядом с гигантами Новокраматорского завода, которые способны добыть, переработать и отгрузить пять тысяч тонн угля в час! Ввод одного такого экскаватора означает ни много ни мало, как увеличение мощностей разреза на пять миллионов тонн угля в год.

Освоение новых машин проходило практически без затруднений — накопилась полезная информация, был обобщен опыт, морально и технически подготовлены люди.

Следует отметить, что подготовке специалистов в объединении Экибастузуголь уделяют первостепенное значение. Будущие члены экипажа на время сборки экскаватора превращаются в монтажников. Таким образом, к моменту начала работы на нем в качестве эксплуатационников они уже досконально знают свою машину, отлично разбираются в индивидуальных особенностях, в совершенстве изучив ее.

Но появление новых машин породило и целый ряд принципиально новых проблем. Главная из них — как вывезти такое колоссальное количество угля, как обеспечить роторному комплексу полную загрузку, чтобы не простаивал этот, в прямом смысле слова, передвижной завод. Вывозка добытого угля остается самым слабым звеном угледобывающей цепи. Уже сегодня разрезы Экибастуза могут давать

гораздо больше топлива, чем они дают. Задержка — за транспортом.

Все это вызвало необходимость создания ЭТЭКа. Четыре ГРЭС мощностью по четыре миллиона киловатт каждая, плюс пятая в сравнительно небольшом отдалении от Экибастуза — в районе Балхаша — практически на месте будут перерабатывать уголь в электроэнергию, которая пойдет по колоссальному энергопотреблению в единую систему страны. Отпадет необходимость в многокилометровых перевозках топлива, резко снизится загруженность железнодорожных магистралей Казахстана, Сибири и Урала. Экономический эффект от развития ЭТЭКа сейчас в полном объеме даже представить трудно — настолько широк его диапазон.

Но вернемся в разрез. Один из них, «Бога тырь», — гордость и надежда производственного объединения Экибастузуголь.

Роторный экскаватор ЭРШРД-5000, в просторечии пятитысячник, виден издалика. Красивая, мощная, элегантная машина. Ее линии поражают рациональной точностью. Сходство машины с океанским лайнером усилится, когда вы подниметесь по трапу и остановитесь на одной из промежуточных палуб, на высоте пятидесяти метров. Дрожит под вашими ногами ажурный настил, ветер поет свое, зыбко стелется нагретый воздух, а вокруг идет такая непростая работа.

А. А. Шишлов, бригадир роторного комплекса ЭРШРД-5000:

— Техника в наших руках небывалая. Смело назову ее техникой будущего. Такая, наверное, будет когда-нибудь работать в космосе.

Не в смысле размеров говорю, а в смысле технического решения и смелого воплощения того, что кажется иной раз несвершимой задумкой. Кто бы мог подумать, что от смешных «уральцев» мы перейдем к таким машинам?! Очень своевременно они появились... Пусть энергетики поспешат со строительством ГРЭС. Топливом обеспечим их в любом требуемом количестве.

Последние слова бригадира имеют особый подтекст. Дело в том, что за один час каждая из четырех электростанций будет сжигать в котлах по 2264 тонны энергетического топлива. В год четыре станции Экибастуза потребуют более шестидесяти миллионов тонн угля. Добавьте к этой цифре еще миллионы тонн для пятой ГРЭС плюс другие государственные нужды. Так что добычная база ЭТЭКа должна быть мощной и стабильной.

Монтируются новые «многотысячники», растет отряд горняков, совершенствуется организация труда и повышается его производительность, снижается себестоимость.

Перспективы Экибастуза необозримы. И это рождает в экибастузцах понятное чувство гордости за свой город и его будущее.

А. И. Витт, бригадир роторного экскаватора, разрез «Богатырь»:

— Здесь, на ЭТЭКе, ясно видишь и понимаешь, что экономик союзных республик — об этом говорил Леонид Ильич Брежнев — отнюдь не сумма экономик, не результат механического сложения. Каждый из нас, где бы он ни работал и чем бы ни занимался, прежде всего ясно должен понимать одну простую

вещь, а именно: он справляется с делом еще и потому, что где-то, в другой республике, на другом предприятии ему создали условия для труда. Значит, делай свое дело честно, отработывай аванс...

Анатолий Иванович говорит неторопливо, убеждающе.

Стройка века, легенда века! Сюда тянется молодежь. Знаете ведь пословицу — насчет того, что там хорошо, где нас нет?... Справедливая в общем пословица. И все же я в нее не верю. Хорошо там, где нашел свое дело, где прикипел душой — и к нему, и ко всему, что тебя окружает.

Анатолий Иванович замолкает, словно раздумывает — говорить дальше или все уже понятно. Помолчав, продолжает:

— Интерес к жизни, к делу, должен быть в тебе самом. Если просто края наши хочешь увидеть — милости просим в отпуск, приезжай, смотри. Если только работать хочешь — работы везде хватает, наша страна работающими людьми живет. ЭТЭК не гастролеров требует, ведь он не на день строится, не на год и не на десять лет даже.

Анатолий Иванович Витт немного смущается. Может быть, потому, что слова его, в сердце выношенные и сто раз своей жизнью проверенные, кажутся ему сейчас слишком возвышенными, вроде бы и не к месту сказанными. Но раз начал говорить — говори до конца.

— Мы только начинаем, и имена первоходцев для нас — святыня. Таким, каким он задуман, ЭТЭК может стать лишь в том случае, если традиции первых, их отношение к делу,

их вера в будущее явятся нормой для каждого строителя ЭТЭКа, для каждого жителя Экибастуза. Если человек уверен, что вот здесь есть и будет его собственный дом, который станет домом и для его детей, если он приезжает сюда хозяином — добро пожаловать. Ну, а если просто ради денег или других личных интересов — не стоит, по-моему, и вовсе чемодан укладывать. Тут нужно свою собственную и общую для всех большую цель иметь. На одной романтике, без реального взгляда на жизнь, не выедешь и не удержишься, понимаете?

Анатолий Иванович спрашивает озабоченно, видно, что волнуется, правильно ли его поймут, не прослывет ли он... ну, гонителем романтики, что ли. Романтика дальних дорог не умирает и не может умереть, она по-прежнему остается одной из самых притягательных сил для молодежи. Но вовсе не это тревожит Анатолия Ивановича и всех его друзей, людей в годах, умудренных опытом, определивших подлинные ценности и отбросивших наносные. Нет, не это тревожит их. Стройка затеяна огромная, на многие годы. Работа долгая и трудная. И очень важно, чтобы с первых же дней она, стройка, попала в надежные руки.

Подготовка квалифицированного рабочего обходится государству в тысячи и тысячи рублей. Право свободного выбора профессии согласно Конституции СССР обязывает государство дать такую возможность каждому гражданину. И вот здесь-то кроется зерно мысли, высказанной Анатолием Ивановичем Виттом: наряду с таким правом необходимо в каждом

человеке воспитать и обязанность не ошибиться при выборе, не стать на долгие месяцы и даже годы бесталанным нахлебником, едва-едва справляющимся со своими обязанностями. Вот поэтому ЭТЭКу и нужны не просто талантливые люди, не просто романтики, жаждущие экзотики, но в первую очередь — хозяева своего города и своей стройки, хозяева расчетливые, бережливые.

Я сознательно повторяюсь, но эта мысль мне кажется очень важной и своевременной и хотелось бы ее подчеркнуть.

Время научно-технической революции поставило перед всеми работниками требования, ни с чем ранее несоизмеримые. Если еще тридцать и даже двадцать лет назад нерадивый или бездарный исполнитель мог нанести хоть и значительный, но все же исправимый ущерб, то сегодня, при той строгости технических и проектных требований, которые стали нормой, ущерб может оказаться невосполнимым. И нет у нас права рисковать, доверяя огромное дело или даже часть его невежественным людям.

Вот что волнует сегодня и руководителей Экибастузского топливно-энергетического комплекса.

В этой книге мы встретимся лишь с немногими передовиками строительства. Но не потому, что мало здесь людей достойных. Их очень много, но ведь со всеми познакомиться просто невозможно.

Должен предупредить, что говорить нам придется на всех языках Родины, так как на

стройке уже сегодня трудятся представители многих народов и национальностей СССР.

...Вы стоите на трассе Павлодар — Караганда. Перекресток. Слева от вас фантастика отвалов, прямо перед вами — подснежник из бетона, символ Экибастуза.

Перед вами — две дороги.

Нет, три.

Одной вы можете вернуться назад. Ну, что ж...

Вторая приведет вас в город. Вы можете стать, кем хотите — машинистом экскаватора, бурильщиком, взрывником, железнодорожником, художником, строителем, учителем, диспетчером, водителем... Всего в этом списке две с половиной тысячи профессий. Выбирайте по душе.

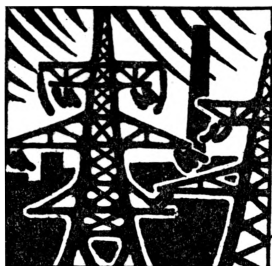
Третья дорога — особая. Она приведет вас на строительство ГРЭС, на самый важный сегодня участок.

Недалек тот день, когда первая ГРЭС даст промышленный ток. Все пять станций Экибастуза по мощности составят примерно сорок Днепрогэсов. Каждый десятый киловатт электроэнергии, вырабатываемый в стране, будет киловаттом Экибастуза.

Вы здесь нужны. Возьмите с собой терпение, настойчивость и уверенность, гордость за причастность к одной из великих строек страны.

Романтики здесь хватит на всех.

Добро пожаловать на ЭТЭК!

С. Шевченко

НОВАЯ РАДОСТЬ ЖИЗНИ

Наверное, каждому журналисту знакомо это чувство: встретишь интересного человека, расскажешь о нем, а некоторое время спустя начинаешь осознавать, что не сумел до конца понять и раскрыть его. Чаще всего новые встречи с героем оказываются по разным причинам невозможными, но иногда они происходят, и тогда появляется желание рассказать о нем по-новому, интереснее, глубже. Настоящий очерк представляет собой именно такую попытку.

Собирая материалы для историко-документальной книги об Экибастузе, в архивных документах и газетных публикациях, относящихся к периоду с 1948 года по настоящее время, я часто встречал фамилию Петренко. В областном историко-краеведческом музее видел фотографию: Николай Иванович Пет-

ренко, молодой, в развеваемом ветром плаще стоит у теодолита, а его товарищи забивают знаменитые первые колышки. Подпись под фотографией гласила: «1948 год. Так начиналось покорение экибастузских недр». Известно мне было и то, что он многое помнит и умеет интересно рассказывать. И самое, пожалуй, удивительное о нем: в 1948 году он стал главным маркшейдером треста Иртышуглестрой, ныне, спустя тридцать лет, занимает ту же должность в том же, не раз переименованном и преобразованном предприятии.

Нетрудно представить, как следовало «уцепиться» за такого человека. И действительно, помощь, которую он оказал в работе над книгой, превзошла все ожидания, причем я далеко не единственный, кто с признательностью вспомнил и вспоминает Николая Ивановича за подобную же бескорыстную помощь. Тепло написал о нем в одном из очерков Сабит Муканов, побывавший в Экибастузе в пятидесятых годах. В личном архиве Петренко хранятся письма от людей, работавших над диссертациями по экибастузским материалам, журналов многих газет, в которых они благодарят Николая Ивановича за полученную от него информацию и задают новые и новые вопросы.

Много легенд дошло до наших дней о первооткрытии черных сокровищ Экибастуза. Но как бы это ни произошло, как бы ни толковалась этимология слова «Экибастуз», достоверно, что в конце прошлого века была сделана попытка промышленного освоения месторождения. В далеком безвестном степном

урочище за короткий срок перебивало немало горных инженеров из Томска, Петербурга и даже из Парижа. Их прогнозы оказались многообещающими. Были заложены первые шахты, от Экибастуза к Иртышу пролегла железнодорожная ветка. Экибастузский уголь получил выход к Омску и далее, на Урал. В конце прошлого — начале нынешнего века здесь возникла фигура промышленника Артемия Дерова, по хищническим масштабам вряд ли уступающего известному литературному герою Прохору Грому. Вскоре, однако, Деров прогорел, и Экибастуз с его несметно богатыми недрами перешел в руки англичанина Лесли Уркарта и американца Герберта Гувера. В период хозяйничанья в Экибастузе этих столпов русского и иностранного капитала рабочие угольных копей — коренное население, а также русские и татары — испытывали на себе такую нещадную эксплуатацию, такими невыносимыми были условия их труда и жизни, что они начали организованную стачечную и забастовочную борьбу уже в 1900 году и не прекращали ее до 1917 года.

Драгоценнейшими для нашей памяти страницами в истории Экибастуза являются 1918 — 1922 годы, когда его судьбой занимался вождем революции и основатель Советского государства Владимир Ильич Ленин. В 1918 году им был подписан декрет о национализации экибастузских угольных копей. В 1922 году Ленин настоял на том, чтобы отказать в концессии на Экибастуз его бывшему владельцу Уркарту. Дорога в Экибастуз всем и всяческим охотникам до чужого добра была заказана

навсегда. Но поднять Экибастуз в ту пору молодой Советской республике было не по силам. В 1925 году разработку месторождения временно прекратили.

Шли годы. Гремели на всю страну, на весь мир Турксиб, Магнитка, Днепрогэс. А до Экибастуза руки все не доходили. Лишь перед самой войной пришел и его черед. Начались геологоразведочные работы, но война приостановила их. «Черное золото» экибастузских недр осталось нераспечатанным.

Кончилась величайшая из войн. Страна вставала из руин. Ей нужен был уголь, много угля. Люди, которые пришли в Экибастуз в 1948 году, еще донашивали военные гимнастерки и кители. Среди них был и Николай Петренко.

Уже тогда сложилась интересно его биография — участвовал в коллективизации, воевал на Хасане, под непрерывными бомбежками фашистов строил рокадную железную дорогу к Сталинграду. Ему было тридцать пять — возраст расцвета и зрелости мужчины. И он начал новый этап в своей биографии, неразрывно связанный с биографией Экибастуза от его основания до блистательного сегодня.

Нелегким было это начало.

В пустынной и безводной, летом прокаленной солнцем, зимой продуваемой лютыми ветрами, степи предстояло создать производственную базу и элементарные условия для жизни людей. Построили временный ДОК, мастерские, кирпичный завод. Жили поначалу в палатках, землянках, спешно ставили первые щитосборные дома. Вся обстановка

во многом напоминала фронттовую, да ведь это и был передовой отряд, занявший плацдарм, с которого должно развернуться большое наступление. И жили нетерпеливым ожиданием его. Начать вскрышные работы, обнажить угольный пласт — это было то, ради чего они пришли сюда. А наступление все откладывалось. Железная дорога еще не пришла в Экибастуз. В Павлодаре стоял энергопоезд, без которого нельзя было ввести в строй землеройную технику, да и сама эта техника могла быть доставлена к месту назначения только с вводом в эксплуатацию железной дороги. Тогда строительство выездных траншей решили выполнить при помощи взрывов на выброс. Это впечатляющее событие надолго всем запомнилось. Три мощных взрыва потрясли степь, и четыреста двадцать тысяч тонн породы были выброшены на борт. Северную выездную траншею первого разреза таким образом получили почти в готовом, завершенном виде.

А между тем на строительный десант неумолимо надвигалась зима, вообще суровая в этих краях, вдвойне лютая для затерявшегося в степи поселка, с его временками, с его походным бытом.

Бураны отрезали поселок от мира. Трудно стало с водой — начали топить снег. Кончилось топливо. Несколько смельчаков, и среди них Михаил Федорович Возный, вернувшийся с фронта кавалером ордена Красной Звезды и трех медалей «За отвагу», спустились в полуразрушенную «карашахту», оставшуюся еще со времени Уркарта, и три дня и три но-

чи не поднимались наверх, добывая тепло и жизнь поселку.

Многое еще можно было бы рассказать о трудностях, которые довелось пережить и преодолеть первопроходцам. Не месяц, не два, не год — много лет ушло, прежде чем более или менее устроился быт, прежде чем в декабре 1954 года был загружен и отправлен на Урал первый эшелон экибастузского угля.

В биографии Николая Ивановича Петренко меня как журналиста словно бы сразу заигнотизировала схема идеального героя. В самом деле — вырос в бедняцкой семье, первые сапоги надел после окончания семилетки. Непосредственный участник коллективизации, герой Хасана и, наконец, защитник Сталинграда. И как же мог я противостоять искушению написать, что с высоты сегодняшнего дня жизнь Николая Ивановича Петренко представляется мне легендарной!

Николай Иванович человек очень деликатный, доброжелательный; тем не менее он поморщился, прочитав о себе такое.

— Не надо так... нельзя... неправда это.

Я попытался отстоять свою точку зрения. Он продолжал:

— Я геодезист. Вся сознательную жизнь имею дело с геометрическими построениями. В нашем деле смещение, скажем, оси какого-либо фундамента на несколько сантиметров обходится очень дорого. Не знаю, как в вашем деле, хотя давно симпатизирую всем пишущим, рисующим, сочиняющим музыку, но думаю, и тут смещение какого-либо фундамента на несколько сантиметров обходится

очень дорого. Да, легендарна наша история. А мы, миллионы таких, как я, просто делали свое дело, и фигуры, конечно же, не легендарные.

Рассказывая о трудностях и даже лишениях, которые довелось испытать первопроходцам Экибастуза, я, как видно, впал в крайность восторженности: вот, мол, какие чудо-богатыри были эти люди!

— В общем, все так и было. Только... Судите вы с позиций сегодняшнего дня. Благосостояние людей, условия их жизни за последние два десятилетия настолько изменились... Может быть, сегодня покажется невероятным, героическим, что я, к примеру, жил в землянке, но тогда ничего героического в этом не было. Так жили все. Семья, например, из пяти человек, ютилась в кухне одноквартирного щитового дома. Но, поверьте, это как-то не замечалось. Как бы точнее выразиться... Мы не боролись все время с трудностями, мы просто жили!

И все-таки немало было людей, которые покидали Экибастуз. А те, кто оставался? Сказать, что их привлекла сюда и не отпускала романтика, изображать их энтузиастами, которым нипочем любые трудности? Наверное, все-таки не раз и им хотелось махнуть рукой на все и уехать куда-нибудь подальше, и они не приходили в восторг от бытовой неустроенности. Их удержали, рассуждал я, сначала чувство долга, потом заинтересованность в деле, потом привязанность к нему, потом сознание своей необходимости делу и людям, своей, если хотите, незаменимости

здесь. Эта схема, конечно, слишком упрощенная. Как всегда бывает в жизни, все происходило, безусловно, гораздо сложнее.

— Тут вы, пожалуй, правильно высветили суть. Да, конечно, так и было. И все-таки, истины ради, я на первое место поставил бы не чувство долга, а интерес к делу. Мы прекрасно понимали его значимость, мы были первопроходцами, зачинателями и гордились этим. Все для того, чтобы быстрее добыть уголь,— этим жило большинство. И поэтому все, что приближало нас к цели, радовало, мы со всей страной отмечали всенародные праздники, свои личные, семейные, но помимо всего этого было у нас немало наших, собственно экибастузских, праздников.

Кажется, великое ли дело — кирпич? Обыкновенный каленый кирпич. А построили свой завод, выдал он первую продукцию — сколько было радости! Первые, свои кирпичи — розовые, еще теплые, бережно передавались из рук в руки. Прошли первые поезда по мосту через Иртыш — это было, кажется, в мае 1949 года — ликование, праздник. Павлодар переставал быть тупиком, скоро, скоро уже рельсы и шпалы придут в Экибастуз, начнется настоящая работа. «Золотое звено», сомкнувшее на станции Божекуль стальные пути с востока и запада, было уложено в морозный февральский день. Видели бы вы, что там было! Сотни людей, оживленный говор, улыбки. Под аркой, выстроенной на том месте, где сошлись рельсы, перерезана алая лента. Аплодисменты, возгласы «ура», звуки оркестра и свисток паровоза слились в незабываемую симфонию...

Пришел энергопоезд. Не дожидаясь личных указаний, стихийно, все, кто был свободен, бросились помогать в прокладке электролиний.

А монтаж первых экскаваторов?

Их много было, таких праздников, не говоря уже о том часе, когда первый эшелон с углем, нашим углем, тронулся из разреза. Незабываемые, счастливые мгновения, никто не стыдился слез. Как же можно было променять эти радости на что-то другое? Кстати, может быть поэтому я не одобряю эпитеты, которыми журналисты щедро награждают наши разрезы, непременно ввернут что-нибудь космическое, что-нибудь про лунные кратеры.

(Каюсь, и я грешен, не удержался от эпитета «инопланетный» при описании разреза «Богатырь». Наверное, поэтому Николай Иванович и говорил!)

— Помилуйте, причем здесь космос, лунные кратеры? Насколько я понимаю — это что-то холодное, безжизненное, бездушное. А наши разрезы — это же рукотворные, целесообразные сооружения, полные движения, жизни — и созданные для жизни.

Все-таки мне трудно было до конца отказаться от мысли о некоей жертвенности, сознательном подвижничестве зачинателей Экибастуза. Глушь-то какая был поселок, пока построили детсады, школы, клуб, больницу. Какими же духовными интересами можно было жить в таких условиях. Но и здесь мой герой упрямо «не влезал» в готовую схему. Кто ищет духовные радости, тот везде сумеет их найти. Были радио, фильмы и пластинки.

При желании можно и музыкой насладиться, и артистов всех в лицо знать. Не было еще телевидения, зато читали больше. Я много раз беседовал с Николаем Ивановичем, слышал его выступления, читал его заметки и статьи и всякий раз отмечал про себя: так говорить, так писать может только человек, очень много и умно читавший, человек широкой общей культуры.

Есть у Николая Ивановича и страстное увлечение — шахматы, и отнюдь не на любительском уровне. В 1949 году, приняв участие в шахматном турнире в Павлодаре, он стал чемпионом областного центра. Был организатором первых шахматных турниров в Экибастузе, играл по переписке и, бывало, ночи просиживал, разбирая почту. Мне рассказывали: зашел однажды разговор о шахматных мастерах того времени, их сравнительных достоинствах и перспективах. Николай Иванович по памяти назвал и охарактеризовал около двухсот имен!

Можно жить в городе, где есть оперный театр, музеи, картинные галереи, и оставаться невеждой. И можно жить всю жизнь в рабочем поселке, в небольшом городке и в просвещении быть «с веком наравне».

На недавно прошедшей в Экибастузе конференции по коммунистическому воспитанию в своем выступлении секретарь горкома партии назвал П. И. Петренко, Ж. Омашева, М. Ф. Возного, Б. М. Авербуха (все они почетные граждане города, отмечены многими правительственными наградами и знаками отличия, М. Ф. Возный — Герой Социалисти-

ческого Труда). Было подчеркнуто, что высокую свою славу, глубокое уважение людей они заслужили не только и может быть даже не столько за то, что были первопроходцами, а за то, что всей своей жизнью являют пример беззаветного служения делу, советского образа жизни, подлинной культуры, скромности.

Именно в этом и состоит истинное значение сделанного ими на земле, и ореол жертвенности вокруг них действительно неуместен.

Бывший трест Иртышуглестрой, потом Экибастузуглестрой сейчас реорганизован в комбинат Экибастушлахтострой. Николай Иванович в свои шестьдесят пять лет продолжает работать главным маркшейдером комбината. Хотя и принято много говорить, что незаменимых людей нет, Николай Иванович на своем месте незаменим. Его опыт и знания уникальны, недаром его называют «ходячим справочником» по Экибастузу. Тридцать лет, отданных строительству разреза и города, при свойственных Николаю Ивановичу добросовестности, вдумчивости, кропотливости и незаурядной памяти сделали его обладателем бесценного капитала — знаний по горно-строительному делу.

Несколько лет назад Целингорсельпроект разработал техническую документацию на строительство внегородского коллектора канализации протяженностью семнадцать километров. Приступили к работам. Вскоре выяснилось, что закончить в срок сооружение жизненно важного для города объекта нет возможности. Проектом предусматривался вывод полутораметровой в диаметре трубы коллек-

тура на поверхность на протяжении пяти километров. Чтобы сохранить заданный уклон, по условиям местности, трубы должны были лечь на шести-восьмиметровые железобетонные колонны и арки. Спецзаказ на них как на нетиповые конструкции никто не хотел принимать. Казалось, сложилось безвыходное положение.

За решение задачи взялся Николай Иванович. Интуиция, какое-то шестое чувство, присущее людям с большим опытом, подсказывали ему, что должен быть возможен иной вариант, без выхода трубы на поверхность, исключающий надобность в железобетонных конструкциях. Одну, вторую, третью трассу подсчитал Николай Иванович — не решалась задача. Четвертый вариант оказался искомым. Сооружение коллектора было закончено в срок, а экономия средств составила 250 тысяч рублей.

Кроме увеличения мощностей разрезов, строительства четырех ГРЭС, в Экибастузе должны быть построены один миллион 200 тысяч квадратных метров жилья, школы, Дворцы культуры, спортивные комплексы, тепличный комбинат, зеленая защитная зона и многие другие объекты коммунального, бытового и культурного назначения. Десятки научно-исследовательских и проектных институтов страны проводят в Экибастузе изыскания, разрабатывают технико-экономические обоснования, проектируют документацию. Ни один из представителей этих институтов не миновал кабинета главного маркшейдера комбината. Его личные знания, его маркшейдер-

ский архив — сокровищница, из которой черпают все.

Надо сказать, что и комбинат Экибастуз-шахтострой не просто переименовал вывеску. Создается по существу новое предприятие с громадным объемом работ. Комбинату предстоит наращивать мощности существующих и открывать новые угольные резервы, построить домостроительный комбинат, завод ЖБИ, автобазу, базу материально-технического снабжения, 600 тысяч квадратных метров жилья, Дворец культуры на 1000 мест, аэропорт, кинотеатры, пионерские лагеря. Главному маркшейдеру здесь, как говорится, и карты в руки. Словно помолодел Николай Иванович. Его Экибастуз — перед новым взлетом. Дел — невпроворот! Но столько нового, интересного, грандиозного. Надо поспевать везде.

В последний свой приезд в Экибастуз я разговаривал с Николаем Ивановичем все в том же его небольшом кабинетике, всю обстановку которого составляют два стола, заваленные картами, простой шкаф, тоже с картами, да несколько стульев. Николай Иванович собирался в Баянаул. Там, на Джасыбае, нужно осмотреть новый пионерский лагерь. Беспрерывно звонил телефон, Николай Иванович отвечал неторопливо, обстоятельно.

Зашел главный инженер одного из строительных управлений.

— Завтра в десять заседание комиссии по качеству. Вам надо быть обязательно, — предупредил Николай Иванович.

— В качестве?...

— В качестве ответственного за качество.

— Вы будете докладывать?

— Я.

— И как же?

— Да нарисую, как вы перекосили плиту на девятиэтажном.

— Николай Иванович, всего-то одну?

— Одна-то одна, а внешний вид уже подпортит, удорожание работ неизбежно.

Еще несколько человек с разными производственными делами. Новый посетитель — Павел Ильич Оноприенко, собкор областной газеты «Звезда Прииртышья».

— Послезавтра наша газета отмечает свое шестидесятилетие. Редакция приглашает вас как ветерана Экибастуза, как своего давнего автора на торжественное заседание.

— И некогда... Но непременно буду.

— Николай Иванович, что главное в ваших дальнейших планах? — выбрал я, наконец, минуту, чтобы задать тот вопрос, ради которого приезжал.

Николай Иванович, как о давно выношенном, сказал:

— В связи с предстоящим разворотом работ в комбинате формируется новое штатное расписание. Ожидается большое пополнение молодежи, в том числе и по моей службе. Поработать с молодыми, отдать им все, что знаю, ну и получить от них новую радость жизни — о чем ином можно мечтать в моем возрасте?

Таковы сегодняшние будни жизни моего героя, с которым я не хочу расставаться и впредь, ибо предстоит еще многое у него узнать и многому научиться.

П. Оноприенко

БРИГАДИР

И за южной, и за северной окраиной Экибастуза, там, где начинается — или откуда идет — бескрайняя холмистая Сарыарка, горами темнеют на горизонте гигантские полу-круги отвалов.

День и ночь, час в час, идеально — минута в минуту — поднимаются на отвалы составы самосвальных вагонов — думпкаров, выгружающих плотную, тяжелую землю степей.

Каков же, говоря словами эпохи научно-технической революции, эффект этой операции? Эффект простейший. Куб земли — два куба угля, скрытого под этой землей. Десятки миллионов кубометров породы (на такой мы выращиваем и картофель, и огурцы, и яблоки) открывают для добычи два десятка миллионов тонн черного золота.

В апреле 1962 года в Экибастузе вступил в строй действующих специализированный вскрышной разрез «Южный». Мощность нового предприятия составляла всего пять миллионов кубометров. По здешним масштабам это немного, но развитие угледобычи шло столь быстрыми темпами, что сегодня горняки разреза ежегодно вывозят из карьера 25 миллионов кубометров горной массы.

На разрезе со дня его основания трудится машинистом экскаватора один из лучших горняков в Экибастузе Сабит Кадыров. Должность бригадира, которую он занимает уже много лет, не дает ему никаких льгот. Бригадирство — это дополнительные, трудные и хлопотные заботы, которые не каждому по плечу.

По кромке отвала, в выемках, которые удачно названы карманами, стоят экскаваторы. Они принимают породу, укладывают ее по определенной технологической системе. Работа спорая: не успел своевременно очистить забой — значит, задержал состав думпкаров, будут простаивать экскаваторы на вскрышных участках, — в технологической цепи вскрышных работ все взаимосвязано. С учетом таких особенностей и построена работа бригады экскаватора ЭКГ-8И, которой руководит Сабит Кадыров.

На первый взгляд, трудно отличить эти особенности. Что, например, может сказать человеку, не посвященному в специфику горняцкого труда, рассказ Кадырова:

— Мы давно отказались от прежнего порядка приема и передачи смен. Тот, кто сдает

смену, должен подготовить все узлы, всю машину полностью к нормальной работе. Это сокращает время пересмен, повышает производительность труда.

За этими словами стоит многое. Машина — предмет особой и постоянной заботы всей бригады. Основные узлы и оборудование закреплены за машинистами и их помощниками. Но установить такой порядок — это лишь начало. Надо, чтобы каждый член горняцкого экипажа не просто в совершенстве знал машину, но душой болел за дела бригады. Ведь достаточно кому-то умолчать о том, что «ба-рахлит», перегревается один из многих на экскаваторе электромоторов, как в ближайшую смену может произойти авария. Может. Но таких случаев в бригаде давно уже не было. Пятый год экскаватор работает без капитального ремонта. Это результат хорошего ухода, высокой производственной квалификации экипажа, сознательного отношения каждого к своим обязанностям, порученному делу. В 1970 году бригада переработала немногим более двух миллионов кубометров горной массы. По тому времени это был хороший, даже отличный результат. Но вскоре и он уже не удовлетворял горняков. И они поставили перед собой цель: довести производительность экскаватора до трех миллионов кубометров.

Это было время, когда стартовала девятая пятилетка. Тогда широко известным стал призыв знатного горняка Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного комбината Героя Социалистического Труда Е. П. Антошкина.

«Пусть каждый из нас, рабочих, посмотрит взыскательным глазом на свой труд, найдет свое место в пятилетке, определит перспективу»,— писал он, обращаясь к труженикам республики.

В Экибастузе первым поддержал призыв бороться за достижение высокой производительности труда машинист экскаватора Сабит Кадыров. На совещании передовиков производства в Москве он познакомился с инициатором соревнования, и между мастерами началось негласное соперничество. Сабит интересовался делами сарбайских горняков, побывал у них в гостях, детально изучил организацию труда, эксплуатацию и ремонт экскаваторов. Заключил договор на соревнование с одним из лучших экскаваторщиков комбината — Николаем Дерепой. Многие достижения сарбайцев стали достоянием экибастузских горняков.

Когда наблюдаешь экипаж Кадырова в работе, всегда бросается в глаза атмосфера доброжелательности во взаимоотношениях между машинистами и их помощниками, бригадиром и его товарищами. Здесь все понимают друг друга с полуслова. Каждая минута рабочего времени — в деле. Чуть случится перерыв в подходе составов с породой, и машинист с помощником уже проверяют, смазывают узлы, которые несут наибольшую нагрузку, устраняют выявленные неисправности. Так строит свою смену сам Сабит Кадыров, так работают машинисты Алексей Ненюков и Николай Тюков, помощник машиниста Виктор Федоров, да и все в экипаже.

Своим молодым товарищам Сабит Кадыров — учитель и наставник. Многим он помог сделать первые шаги в овладении горняцкой специальностью, утвердиться в звании рабочего.

Виктор Федоров пришел на разрез со стройки. Поначалу с работой у него не ладилось. Парня перебрасывали с машины на машину, посылали туда, где не хватало помощника. Кадыров пошел к директору разреза, сказал:

— Дайте мне Федорова в экипаж. Надо ему иметь постоянное место, иначе уйдет с разреза парень. Мы поможем ему стать толковым экскаваторщиком.

Сабит поверил парню, хотя к этому времени за Виктором уже утвердилась не слишком хорошая репутация. Ему он сказал прямо:

— Сейчас все зависит от тебя. Хочешь стать на ноги — старайся. Учись работать, изучай машину. Во всем мы тебя поддержим.

Сейчас Виктор работает в паре с машинистом Николаем Тюковым. По общему мнению бригады, он очень старательный и добросовестный рабочий, его ставят в пример другим, на него равняются.

Здесь, в бригаде стал хорошим горняком Алексей Ненюков. Начинал он помощником машиниста, был подручным у Кадырова. Кажется, совсем недавно это было, когда по рекомендации Кадырова назначили его машинистом, а уже заслужил он свою первую трудовую награду — знак профессионального мастерства, бронзовую медаль ВДНХ. Не каждый на разрезе может принять и переработать столько горной массы, как он.

Впрочем, в бригаде почти каждый — выученик Кадырова. Так, Михаил Жаминов в прошлом работал электриком, потом служил в армии. А вернулся — был принят в бригаду. По совету Сабита Кадырова поступил в горностроительный техникум.

Сабит не жалеет сил и времени, если дело идет о помощи молодым горнякам, которые приходят на смену ветеранам. Сама его жизнь, трудовая биография служат для них примером, как надо относиться к порученному делу, утверждать себя в почетной должности рабочего.

Сабит Кадыров, Герой Социалистического Труда, бригадир экскаватора ЭКГ-8И:

— Много разговаривать не люблю, да и ни к чему это. И вообще считаю, что о человеке его дело говорит лучше всяких слов.

Что о своей судьбе сказать? Трудно временами было, как и каждому. Помогали люди, как и каждому. Научился жить, работать, теперь и сам долги раздаю. Тут скупиться нельзя, ведь правду говорят, что чем больше людям отдаешь, тем больше самому остается. Грех обижаться на свою долю, вот что скажу...

Он едва закончил пять классов, как началась Отечественная война. Умерла мать, погиб под Сталинградом отец. Подростком Сабит приехал из аула в Павлодар и поступил на завод «Октябрь», где до 1947 года работал формовщиком. Потом был призван в армию. После демобилизации работал путевым обходчиком в Караганде, затем на базе ремонта экскаваторов. Отсюда пошел на курсы, стал изучать новейшие по тому времени трехкубовые экскава-

торы. Нелегкие годы работы помощником машиниста, машинистом...

1957 год Сабит вместе со многими своими товарищами встретил уже в Экибастузе. Здесь начинались большие дела, сюда были посланы десятки опытных горняков из Караганды. Пришлось буквально на ходу переучиваться — начали поступать новые экскаваторы ЭКГ-4 и ЭКГ-4,6 с машиностроительного завода. Техника усложнялась, знаний уже не хватало. И Сабит поступает в вечернюю школу, заканчивает восемь классов.

Организуется разрез «Южный» — и снова техническое перевооружение. Поступают экскаваторы ЭКГ-8, а потом и более сложные их модификации. И снова Сабит Кадыров учится — по вечерам спешит на занятия в горный техникум. Иначе нельзя, иначе отстанешь, потому что практических знаний уже недостаточно для того, чтобы разбираться в сложных электрических схемах, узлах новых машин.

Бригадиром он стал как-то неожиданно для самого себя. Однажды вызвал его директор разреза, повел такой разговор:

— Видел на седьмом тупике экскаватор?

— Так он, кажется, еле действует, его в капитальный ремонт нужно, — ответил Сабит

— А ты посмотри, что с ним. Решили назначить тебя бригадиром на эту машину. Прошу тебя как коммуниста. Сам знаешь, бригадиров там было уже несколько, а толку пока мало. Возьмешься?

Кадыров согласился, хотя знал, что придется нелегко. Пришлось приводить в порядок запущенный экскаватор, одновременно комплек-

товать бригаду. Это оказалось особенно трудным. Кто, в самом деле, охотно пойдет на экскаватор, который больше простаивает, чем работает, а о хорошем заработке и говорить не приходится.

Но прошло не так уж много времени, и новый экипаж начал, как говорится, выходить в люди. Добились выполнения плана, сокращения простоев. И однажды наступил день, когда сравнивались с лучшими экипажами и вышли в передовые. Пришло и признание трудовых заслуг: за высокие производственные достижения в восьмой пятилетке машинисту экскаватора Сабиту Кадырову было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

Коммунист Сабит Кадыров всегда показывает личным примером, как надо бороться за глубокое овладение горняцкой профессией. От одного успеха стремиться к новому — таков его девиз.

После периода бурного развития разрез «Южный» стал испытывать много трудностей. Это были трудности роста. Карьер углубился более чем на сто метров, здесь уже одиннадцать уступов, которые отрабатывают горняки. Намного усложнилась транспортная схема железнодорожных путей, по которым вывозят породу. Настоятельной необходимостью становится реконструкция разреза, замена горной техники новой, более производительной. Развитие угледобычи потребовало от вскрышников ускоренной подготовки пригодных к разработке запасов угля, от всего коллектива разреза — напряжения всех сил, мобилизации усилий на поиск еще неиспользованных резервов и возмож-

ностей производства. И в первом ряду возглавивших этот поиск был и Сабит Кадыров.

Довести производительность экскаватора до трех миллионов кубометров в год — такую цель поставила перед собой бригада, начиная девятую пятилетку. Сабит стал инициатором новой на разрезе формы социалистического соревнования — соревнования всех смежников, которые объединены в одну технологическую цепь. На одном из партийных собраний он так говорил об этой идее:

— Давайте подумаем вот о чем. Экскаваторы в забое — лишь одно звено в технологической цепи. Работать успешно они могут только при условии, если мы хорошо наладим работу всех звеньев — буровзрывного, транспортного, вскрышного и отвального участков. Я считаю, что социалистическое соревнование надо организовать так, чтобы в конечном результате был заинтересован каждый коллектив, чтобы на достижение главной цели были направлены все усилия.

Так на «Южном» впервые в объединении началось комплексное соревнование смежников. Звенья: вскрыша — транспорт — отвал — стали действовать как единое целое. И это уже в скором времени принесло ощутимые результаты. Ускоренными темпами горняки разреза стали отрабатывать нижние, скрывающие угольные горизонты, уступы.

За годы девятой пятилетки бригада Сабита Кадырова добилась новых рубежей в деле повышения производительности труда. Возросло профессиональное мастерство членов экипажа. Большинство из них овладели смежны-

ми специальностями стропальщика, электрослесаря, электросварщика. Повышение квалификации и овладение передовыми методами труда позволили лучше использовать возможности машины. Если в начале пятилетки бригада перерабатывала за месяц 156 тысяч кубометров горной массы, то к 1975 году месячная производительность экскаватора выросла в полтора раза и составляла уже 260 тысяч кубометров. Первой в объединении бригада довела годовую производительность экскаватора ЭКГ-8И до трех миллионов кубометров горной массы.

В последние годы вскрышники получают много экскаваторов такой модификации. Одну из первых машин осваивал экипаж Сабита Кадырова. Опытный горняк проанализировал работу основных узлов как на своей, так и на ряде других машин, и пришел к выводу, что некоторые узлы и детали не отвечают высоким требованиям надежности, которые предъявляются условиями работы на разрезах Экибастуза. В дирекции своего разреза, а затем в объединении он привел обоснованные расчеты.

Но случилось так, что Кадырова выслушали, согласились с ним и — забыли о его предложении. Коммунист не отступил. Он обратился в партком объединения, встретился с ответственным работником Министерства угольной промышленности. Кадыров просил организовать встречу горняков с ведущими специалистами машиностроительного завода. И добился своего. Конструкторы горных машин внимательно ознакомились с замечаниями экска-

ваторщика, его выводами о том, что погрешности машиностроителей приводят к частым остановкам экскаватора из-за этих кажущихся «мелочей», и признали выводы правильными. Полученные не так давно экскаваторы ЭКГ-8И показали, что машиностроители учли все замечания и предложения горняков.

Сабит Кадыров, как и положено коммунисту, человек очень беспокойный, ему, как говорится, до всего есть дело. Одним из первых он поддержал развернувшееся в объединении социалистическое соревнование за достижение проектной нагрузки на горную технику. Его бригада сумела в этом движении выйти на рубеж передовых. Во втором году десятой пятилетки Кадыров и его товарищи превысили годовой норматив производительности экскаватора на 20 процентов. Сейчас у них новая высокая цель: довести годовую выработку до 3,5 миллиона кубометров.

Примечательно, что Кадыров многое делает для того, чтобы и другие бригады разреза не стояли на месте, а постоянно повышали производительность труда. О проблемах, которые, надо решить, о том, что мешает работать лучше, он говорит на партийных собраниях, на страницах областной и многотиражной газет. Он находит время и для того, чтобы побывать в профессионально-техническом училище, которое готовит кадры горняков для разрезов объединения. С будущими рабочими ведет беседы о рабочей чести, особенностях профессии горняка. Его можно встретить и в подшефной школе в окружении любознательных мальчишек и девочек.

— Пожалуй, вы верно заметили,— говорит Сабит Кадыров,— вот что — удалось мне не устать, не упустить время. Иной раз от молодых слышишь: да зачем мне, мол, образование специальное, мне и рабочим неплохо живется. Просто руками разводишь — неужели не понимает человек, что знания не должности ради приобретаются, не затем, чтобы ты инженером назывался, хотя и это очень почетно. Для того знания, что сегодня без них, как без воздуха, вообще задохнешься. Нельзя быть настоящим рабочим, если ты недоучка. Об этом я всегда говорю с нашей сменой, в этом убеждаю их. Ведь посмотрите, сколько экибастузцами сделано, и какие перспективы невероятные перед ними открываются. Сказочные перспективы! Думаешь иной раз: мне бы ваши годы, ваши силы да условия, в каких вы живете и учитесь,— горы бы перевернул. Только, знаете, я не сторонник тех, кто нашу молодежь во всех грехах обвиняет, брюзжит на нее. Я верю — они перевернут горы. И пусть им будет легче, чем нам.

О. Павленко

АННИНЫ ЭТАЖИ

Если собрать, свести воедино все, что построено ею за семнадцать лет, то получился бы целый город. Не очень большой, конечно, но будет в нем все: и жилые дома, и школы, и детские сады, и больницы, заводы и мастерские. Словом, все, что нужно для жизни.

Экибастузу всего двадцать лет, а Анна Скрыгаловская строит его восемнадцатый год. И когда едет по городу автобусом, то куда ни глянет — везде все знакомое, все построено ее руками, при ее участии. Может она даже точно сказать, за какие объекты награждена орденом Трудового Красного Знамени, а за что — знаком «Шахтерская слава», другими знаками отличия...

Сейчас бригада Анны строит девятнадцатый микрорайон Экибастуза. В нем будут жить

строители и эксплуатационники каскада Экибастузских ГРЭС. Здесь работы хватит надолго. За какие-то четыре-пять лет надо построить более шестисот тысяч квадратных метров жилья, Дворец культуры энергетиков, школы и детские сады, торговые центры. Всего не перечислить. Одним словом, работа всерьез и надолго. Эта масштабность и привлекла ее, когда услышала Анна о начале большой стройки. И вместе со многими подругами — почти всей бригадой — перешла в управление Энергожилстрой.

Семнадцать лет — срок большой. За это время из неопытной девчонки, какой была после окончания Северодонецкого профтехучилища в 1961 году, стала Анна лучшим бригадиром отделочников среди многотысячного коллектива строителей Экибастуза. Здесь вышла замуж. Муж, Дмитрий, тоже строитель, он монтажник. Бригада, в которой он трудится, совсем рядом. Вот и сейчас Анна отделяет дом, который монтировал Дмитрий. Так и идут все время рядом — и в жизни, и на работе: одно дело делают.

Новый объект — новые заботы. Энергостроители размахнулись широко, но людей не хватало, с материалами перебой, необходимых механизмов нет. А время не ждет, срочно нужно жилье. Сколько проблем, и конца им не видно.

Стройка комсомольско-молодежная. В скором времени отовсюду начали съезжаться сюда молодые девчата. Многие не имели никакой специальности, только начинали первые трудовые шаги. Их и обучить надо, и устроить на

жительство, и поддержать добрым словом. Кто еще, кроме бригадира, лучше это сделает? В суматохе будней забудь о какой девчонке, та помыкается и уедет, откуда приехала.

Анна собрала опытных работниц, подруг, с которыми не один год вместе делит радости и заботы. Сказала:

— Мало нас, девчата. Давайте будем сами учить молодых. Пока откроется учебный комбинат, мы многое сможем сделать. Так что каждая пусть берет ученицу.

Ветеранов немного, зато все проверенные на деле. Татьяна Николаевна Филаретова, Елена Яковлевна Варт, Вера Ивановна Кострикина и другие — каждая по десятку, а то и больше лет на стройке. Сами прошли трудное время ученичества, а став мастерами штукатурного дела, оказались хорошими учителями молодых.

Бригадир, как известно, всему делу голова. Пусть хоть самой высокой квалификации будут отделочницы — а не пойдет дело, если не распределить правильно между ними работу, не обеспечить материалами, не распланировать все на неделю вперед. Конечно, есть прораб, есть мастер, но у них ведь бригад много, за всем не уследят. Вот Анна Ивановна и приезжает пораньше на стройку, попозже уходит с объекта, чтобы все было продумано, чтобы твердо знать, как завтра и послезавтра сложатся дела.

...Утром, как всегда, бригада собирается в своем вагончике. Начинается короткий, отлаженный ритуал: Анна Ивановна распределяет людей по рабочим местам. Пять звеньев в бри-

гаде, каждое специализировано на отдельном процессе. Конечно, при необходимости отделочники могут выполнять все операции, но в основе работы — поточно-расчлененный метод производства. Так быстрее идет дело.

Все вроде бы просто. Звенья Ивановой, Филаретовой, Масловой, Кладовой, Баландиной получают задания. Анна Ивановна уточняет, какую с какой работницей ставить на пару, где именно начинать работу. И те торопятся на свои места. У всех полный набор инструментов — за этим бригадир следит постоянно и строго.

Но такая простота — кажущаяся. Чтобы распределить отделочниц по парам, нужно хорошо знать способности и склонности каждой, уметь соединить опытного со слабым, решительного с медлительным.

Вот стоят Таня Мастерских и Нина Просикова. Пришли в бригаду, не имея никакой специальности, а сейчас работают по третьему разряду. Нелегко давалось им учение. Прикрепила их бригадир к лучшим отделочницам Масловой и Ивановой, наказала учить как следует, но и спуску не давать. Помогать, но и спрашивать — закон бригады. Сама Анна Ивановна всегда предупреждает новичков:

— У нас вам может показаться трудно. Но вы должны знать, что прогулов и опозданий мы не прощаем, работы кое-как — тоже. От начала до конца рабочего дня каждый должен трудиться с полной отдачей.

Бригада штукатуров Скрыгаловской — лучшая на стройке. Она победитель в социалистическом соревновании 1977 года. Здесь самая

высокая выработка, отличное качество отделки. За досрочное выполнение аккордных заданий бригада ежемесячно получает свыше 900 рублей премиальных. Понятно, что к ней и внимание особое. Бригадира часто просят рассказать об опыте работы, поделиться своими производственными секретами.

— Нет их, секретов,— отвечает Анна Ивановна.— Просто мы работаем так, чтобы зря не пропало ни минуты времени. Коллектив постоянный, текучки нет.

Секреты все же есть. Но они просты и всем доступны. Анна Ивановна отлично помнит время, когда отделочницы обходились мастерком, кистью, носилками да лопатой. Это была почти вся «механизация». А сейчас у бригады на вооружении штукатурная и малярная станции, нагнетательные бачки с пистолетом-распылителем, электрокраскопульт.

Не сразу и не легко приживались механизмы. Взять хотя бы такой пример. Когда получили затирочные машинки, многие работницы отнеслись к ним недоверчиво. Тяжелы, мол, руки отвалятся держать их весь день. И будут ли действовать исправно? Анна Ивановна пригласила инструктора по передовым методам труда, попросила его показать механизмы в работе, обучить девчат. И дело пошло. Сейчас, благодаря применению средств малой механизации, выработка в бригаде значительно увеличилась.

Есть у бригадира Анны Скрыгаловской одна черта, которую сразу не заметишь, которая вроде бы и не относится к ее деловым качествам. Речь идет о внимательном, душевном от-

ношении к людям, своим подругам по бригаде. Она постоянно стремится к тому, чтобы отделочницы жили дружно, чтобы участливое отношение друг к другу стало нормой, чтобы заботился каждый о своих товарищах.

Всей бригадой провожали на отдых в санаторий профгруппорга Валентину Самарину, добились для нее бесплатной путевки. Земфире Галиевой, Елене Ануфриевой и Галине Лещинской выделили квартиры — тоже общая радость. Опытные работницы искренне поздравили своих молодых подруг Нину Просикову и Шолпан Нурмагамбетову с присвоением третьего разряда. Это внимание окрылило, оно запомнится надолго.

— Бригада у меня интернациональная, — рассказывает Анна Ивановна. — Рука об руку трудятся русские и украинки, казашки и татарки. Со всех концов страны приехали на большую стройку девчата. Бригада борется за почетное право называться коммунистической.

Высокая, красивая, молодая женщина Анна Ивановна все делает быстро, без суеты. Карие глаза с хитроватым прищуром — любит шутку, не прочь посмеяться. Но трудно приходится смежникам, а то и работникам управления, если каменщики криво выложили стену, если не завезен своевременно раствор. Анна Ивановна потребует исправить брак и никогда не согласится закончить дело миром — тут она твердо стоит на том, что каждый должен работать на совесть. А допустил оплошность — отвечай. Как рачительная хозяйка она учитывает каждый килограмм краски, олифы, всех материалов.

Только за последние три года экибастузские энергостроители ввели в эксплуатацию свыше ста тысяч квадратных метров жилья. Поднимаются новые общежития и жилые дома, детские сады. Идет монтаж школы на 1400 учащихся. И в каждом, уже построенном и еще только строящемся, объекте есть труд Анны Ивановны Скрыгаловской и ее подруг по бригаде.

Анна Ивановна Скрыгаловская, строитель:

— Постановление партии и правительства о создании ЭТЭКа для экибастузцев, для меня и моих товарищей было и ожидаемым и неожиданным событием. Почему ожидаемым — мы же здесь живем и видим, что по золотому дну ходим, что вот оно, небывалое и неисчерпаемое богатство. Одно смущало, что вроде расти некуда, вроде объективные условия сдерживают наши силы. Действительно, не построишь же двадцать железных дорог, чтобы уголь Экибастуза вывозить. И невыгодно его вывозить — здесь он копейки стоит, а после перевозки копейки уже рублями оборачиваются. Вот это обстоятельство и смущало нас. И вдруг — читаем постановление, узнаем, что у нас здесь ГРЭС будут, что от нас пойдут не эшелоны с «черным золотом», а линии электропередач, заряженные энергией наших углей.

Не знаю, как высказать это чувство. Словно распахнулась перед тобой даль, и все стало ясным, понятным. Ну, думаю, девчата, до этого дня шуточки были, а сейчас работа начинается.

Вы телевизор смотрите, конечно? Когда штангу поднимают, дышать перестаешь — так бы и помогла, хоть немного, чуть-чутьку бы

помогла! Пусть на рекорд человек выходит, пусть доказывает, что может многое-многое. Такое сейчас у нас чувство. Страна — не один человек, страна идет на рекорд, и я — нет, вы понимаете?! — я в самом деле могу хоть чуточку, но помочь. И девочки мои... Они отдыхают сейчас, мои подружки, а у каждой эта же дума. Может быть, только слова другие.

Послушайте, запели. Белорусскую поют. А знаете, как выучились ее петь?

Была я как-то в управлении. Смотрю, возле отдела кадров две девчушки сидят, грустные такие. Не находят им, оказывается, ни работы, ни жилья. Обе без специальностей, конечно, и — что уж врать — без денег.

Я что? Я в спецодежде, они мне говорят, я слушаю да себя вспоминаю.

Ладно, говорю, девчата, суду все ясно. Петь умеете?

Они друг на друга смотрят, потом на меня. Одна говорит — а чего же не петь? Только не к месту.

Другая — будет время, и споем.

Слышите? Это они запевают.

П. Ревенко

ЩЕДРЫЕ ПЛАСТЫ

Дорога полукругом огибает приземистые громады отвалов, ныряет под опоры-акведуки выездных путей, взбегаёт на мост, раскинувшийся над выездной траншеей разреза и останавливается, приведя нас к многоэтажному корпусу административно-бытового комбината разреза «Богатырь». АБК — второй дом горняков. А рабочее их место — там, совсем рядом, в разрезе, из которого поднимаются ажурные конструкции роторных экскаваторов. Сами машины далеко внизу — такова их высота.

Однажды по этой дороге провез Анатолий Иванович Витт своего сына Владимира. Пришли в нарядную, где каждый раз собираются перед началом работы горняки — обменяться новостями, перекинуться острым словом.

— Вот, ребята, сына привел. Пусть с разрезом познакомится, посмотрит на нашу работу.

— Смену готовишь, Анатолий Иванович?

— А что? Парень заканчивает горный техникум, скоро на экскаватор сядет. Не то, что мы, сразу нам пришлось и работать и учиться. В две смены жили...

Кажется, давно ли это было? Но уже на работу собираются вдвоем с сыном. Конечно, если совпадают смены. Оба добывают уголь — отец и сын.

...Зубья роторного экскаватора вгрызаются в неподатливый угольный пласт, полные ковши высыпает в своем движении роторное колесо на транспортер. Проходит несколько минут, и прошедший через дробилку уголь сыплется в вагон из погрузочной воронки. Как ручей впадает в реку, делая ее полноводной, так общий труд экскаваторных бригад разреза создает ему известность крупнейшего в стране угледобывающего предприятия.

С судьбой разреза крепко связана судьба экскаваторщика Анатолия Ивановича Витта. Здесь родилась его слава лучшего горняка, пришла зрелость. С первого дня, с той поры, когда в августе 1970 года на разрезе была отгружена первая тонна топлива, он работает здесь, на роторном экскаваторе СР(с)К-470, который носит второй порядковый номер.

Экибастуз только разворачивал в полную силу богатырскую мощь, когда после службы в армии приехал сюда Анатолий Витт. Еще только-только начинал давать уголь первый разрез мощностью три миллиона тонн топлива.

Здесь все строилось: и город и разрез. Анатолий поступил в строительное управление, стал штукатуром. Был на хорошем счету в коллективе, и казалось, что так ему и предназначено остаться строителем. Но побывал на разрезе, увидел технику, горняков за работой, и потянуло парня к углю, к машинам. Пришел к начальнику разреза Николаю Романовичу Колотеву — примите на работу, нравится мне у вас.

Николай Романович, понятно, не спешил. Стал расспрашивать: кто ты да откуда?

А рассказывать было нечего. Образование — четыре класса, специальность для разреза неподходящая. Да и из себя далеко не богатырь — хоть и крепок, да ростом невысок.

Сидел Николай Романович, отвлеченный от многих дел приходом парня, и смотрел на него. О чем он думал — его дело. А сказал так:

— Пойдешь к машинисту Федору Володи-ну. Требования жесткие. Поблажек не жди, будет испытательный срок.

Так будущий Герой Социалистического Труда Анатолий Иванович Витт начал свою горняцкую биографию, совпадающую с биографией Экибастуза.

Он на отлично сдал экзамен, получил права помощника машиниста четырехкубового экскаватора. Но Федор Федорович Володин тогда же сказал ему:

— Начинаешь, Анатолий, хорошо. Только вот о чем подумай. Верю я, что очень скоро будут у нас новые мощные экскаваторы. Чтобы работать на них, нужны знания. Мне уже поздно учиться, но тебе обязательно надо.

Подумать было над чем. К тому времени Анатолий уже был женат, семья требовала времени и внимания. И все же он пошел в пятый класс вечерней школы. Три года по вечерам спешил в школу, сидел после работы над учебниками. Потом без всякого перерыва поступил в горный техникум, тоже на вечернее отделение. Закончил учебу и стал горным механиком. Одновременно учился на курсах машинистов экскаваторов, и успешно сданный экзамен стал для него одним из лучших праздников.

Многие годы работал Анатолий Иванович на первом угольном разрезе, который носит сегодня название «Центральный». Здесь получил он настоящую боевую закалку, стал опытным горняком. За трудовые достижения был награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями и знаками шахтерской славы.

Экибастузцы получили первые образцы горной техники — роторные экскаваторы, изготовленные в Германской Демократической Республике, и одну из машин поручили монтировать Анатолию Ивановичу. Это было признание не просто заслуг, но творческого подхода к делу, которое давно заметили у молодого машиниста. Бывший директор разреза, ныне генеральный директор производственного объединения Экибастузуголь С. П. Куржей рекомендовал Витта на должность бригадира «тысячника». Время показало, что выбор был правильный.

«Богатырь» с начала эксплуатации дал электростанциям страны около 150 миллионов тонн энергетического топлива. Из них более двад-

цати миллионов приходится на долю бригады А. И. Витта. Это лучший в объединении результат для машин такого класса. И он не случайный. Еще в начале девятой пятилетки Анатолий Иванович и его товарищи по бригаде разработали перспективный план повышения производительности труда, использования экскаватора в работе. За пятилетку было намечено отгрузить свыше двенадцати миллионов тонн угля, причем это был тщательный расчет, основанный на непрерывном росте профессионального и общеобразовательного уровня машинистов и их помощников, на овладении передовыми методами труда. Вот лишь один пункт этого плана: «Повысить за пятилетие общеобразовательный уровень членов бригады до десяти классов и половине членов бригады получить среднетехническое образование». Намеченное неукоснительно выполнялось. За годы девятой пятилетки бригада отгрузила около четырнадцати миллионов тонн топлива, значительно перевыполнила свое обязательство. За высокие производственные достижения Анатолию Ивановичу Витту было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Запомнился разговор, который состоялся со знатным горняком вскоре после его награждения. Мы говорили об истоках успеха. И вот что сказал об этом Анатолий Иванович:

— Все дело в людях. В бригаде практически нет текучки. Как собрался экипаж на монтаж машины, так и трудимся все вместе до сих пор. Но мало сказать, что люди научились хорошо работать. Каждый вырос. Николай Пешков начинал помощником машиниста, а сейчас сам

машинист, избран секретарем парторганизации участка. Леонид Устименко закончил заочно институт и остался в бригаде, Валерий Лопехин и Салим Шарипов — опытные машинисты, в любой момент могут и бригадира заменить. Мы и добиваемся, чтобы каждый мог подменить товарища на рабочем месте. Конечно, для этого нужны знания и еще раз знания.

Во время эксплуатации машины бригада А. И. Витта внедрила множество рационализаторских предложений, что повысило надежность отдельных узлов в работе и уменьшило простои. Причем Анатолий Иванович не считает зазорным для себя позаимствовать что-то ценное у экскаваторщиков своего или соседнего разреза, да и сам охотно делится опытом.

Можно было бы назвать не одного бригадира экскаваторщиков, который добился рекордной выработки, стал инициатором данного начинания. Но не все выдержали взятый темп, не всех хватало надолго. А бригада А. И. Витта идет от одного успеха к новому.

В начале десятой пятилетки экибастузские горняки выступили с новым почином. Они предложили развернуть социалистическое соревнование под девизом «Каждому технологическому комплексу и агрегату — проектную производительность». Начался этап творческого поиска резервов и возможностей производства, и вот его результаты: за два года пятилетки бригада А. И. Витта отгрузила свыше семи миллионов тонн энергетического топлива, в том числе 700 тысяч тонн сверх задания. Проектная производительность экскаватора превышена почти на 30 процентов.

Успех несомненный, но оценивать его только по количеству добытого угля нельзя. Почин дал прилив невиданной до сих пор творческой инициативы горняков, вызвал массовое соревнование. Так, если в 1977 году за достижение наивысшей производительности труда в объединении боролись коллективы пятидесяти экскаваторных и локомотивных бригад, то сегодня их уже более семидесяти. Таков эффект почина.

Анатолий Иванович — коммунист, у него всегда много партийных и общественных обязанностей. Он представитель экибастузцев в Верховном Совете Казахской ССР, их депутат. Много делает для развития родного города, для того чтобы стал он краше, чтобы лучше жилось экибастузцам, а результаты их труда были выше.

Анатолий Иванович Витт, Герой Социалистического Труда, бригадир роторного комплекса:

— Я становлюсь завистливым человеком, правда. Каждый день в Экибастуз приезжают молодые люди, сменяя нас, перенимают наш опыт. Много учитывают, но многого и не принимают во внимание. Это закономерно, но и обидно немного. И больше всего мне обидно, что не я — нет, уже не я! — через многие годы выдам на-гора ту первую из двухсот миллионов тонн угля, которые — в один год! — будет выдавать Экибастуз. Но живут во мне надежда и уверенность, что хоть как-то, через сына, через учеников моих, я буду причастен к этому.

П. Оноприенко

КАК УСКОРИТЬ ВРЕМЯ

Муратбек сразу заметил этого парня. Старожилы на стройке — народ решительный, ходят по-хозяйски, разговаривают уверенно. Такие, едва встретившись и глянув друг другу в глаза, сразу признают своего. Но этот был явно чужим на строительной площадке. Он чересчур опасливо сторонился бегущих бесконечной чередой мощных КРАЗов, с любопытством новичка поглядывал на смонтированные, но еще не скрепленные между собой металлические колонны тридцатиметровой высоты.

И вообще по всему видно было, что непонятна ему кутерьма большой стройки с ее шумом и гамом: гулом машин, голосами монтажников, раздающимися то сверху, то сбоку, то снизу.

Муратбек подошел, окликнул парня. Тот

обернулся настороженно, недоумевая — кому он мог здесь понадобиться?

— На работу к нам?— спросил Муратбек, дружелюбно улыбаясь.

Парень помялся, размышляя, однако ответил:

— Вот... хочу устроиться.

— Раньше приходилось работать на стройке?

И опять парень помедлил с ответом, и это неторопливое размышление понравилось Муратбеку.

— Автослесарем был.

— Что ж бросил свое дело? Не понравилось?

Парню вопрос этот не по душе пришелся, и он уже не скрывал своего раздражения:

— Тебе-то что до моей биографии?

— Бригадир я,— объяснил Муратбек,— вот набираю бригаду. Смотрел на тебя и думал — подойдешь ли нам, сможешь ли работать монтажником.

... По правде говоря, Муратбек погрешил немного против истины. Рано было еще думать о том, подойдет ли новичок бригаде,— самой-то бригады еще практически не было. Только вчера состоялся у него разговор с начальником управления Энергострой Алексеем Дмитриевичем Криворотовым, который убеждал его возглавить бригаду, взять на себя ответственность за многое, в том числе и за людей. Не сразу согласился Муратбек, попросил дать ему время подумать — и сейчас, разговаривая с пареньком, понял, что думать, собственно, не о чем, что он уже дал согласие

и пора начинать бригадирскую работу. Этот парень должен был стать первым его товарищем в новом коллективе, который предстояло создать.

Скоро Муратбек узнал, что зовут парня Амантаем Махамбетовым, что приехал он из Джамбулской области и на первых порах устроился работать автослесарем, но по-настоящему привела его в Экибастуз весть о большой стройке, на которой он хочет работать, получить интересную специальность. Узнал, что Махамбет из большой семьи — девять братьев и сестер у него. Они подрастают, и он просто обязан помогать семье материально.

Новичок понравился прямоотой, бесхитростностью характера, напомнил Муратбеку его самого, когда он только начинал делать первые шаги трудовой самостоятельной жизни.

... Восьмилетку он закончил в родном селе, недалеко от Омска. Казалось бы, прочно был связан Муратбек со степным привольем, но однажды он огорчил отца — сказал, что хочет уехать в город.

Малик Хасенович внимательно выслушал сына, взвесил его доводы и не стал отговаривать от поездки. Уже в то время был отец немолод, пошаливало у него здоровье — сказывались раны, полученные в Великую Отечественную войну на долгом пути от Москвы до Берлина. Очень хотелось ему, чтобы сын был рядом, стал опорой на старости лет. Но пересилил себя Малик Хасенович, рассудив, что молодой птице надо вылететь из гнезда — как иначе у нее окрепнут крылья?

— Хорошо,— сказал он.— Что же ты будешь делать в городе?

— Пока поступлю в профессионально-техническое училище,— сказал Муратбек.— В газете есть объявление.

— В нашем роду,— уже на прощание сказал отец,— все были крестьянами. Если из тебя получится рабочий, я буду рад. Не получится — возвращайся, крестьянскому делу я тебя научил.

Муратбек поступил в профтехучилище, записался в вечернюю школу рабочей молодежи и с головой ушел в учебу. Скучать было некогда, вспоминает он сейчас, не до скуки, когда ты загружен и когда дело тебе по-настоящему нравится.

Окончив училище, он имел и аттестат зрелости. Получил назначение на строительство Омского нефтеперерабатывающего и в совершенстве освоил профессию монтажника. Времени не терял — к началу пуска комбината работал уже мастером, успев закончить вечерний строительный техникум.

Однажды Муратбек, как всегда, приехал к отцу в деревню, отдохнуть во время отпуска. Вернее, помочь ему управиться с сельскими делами. Но недолго гостил он у родных. Прочел как-то новую газету, поразмышлял о чем-то день, а вечером обратился к отцу:

— Посоветоваться хочу, отец. Вот пишут, что в Экибастузе началась большая стройка. Такой в Казахстане еще не было, да что в Казахстане — во всей стране! Пока отпуск, думаю съездить в этот город, посмотреть своими глазами, что там и как. Дела там

начинаются большие и на много лет. Дух захватывает, какие дела!

— Никак не сидится тебе на месте,— пожурил отец.— Сам пошел на стройку, второго брата за собой потянул. Сейчас и третьего, Кайрата, тоже, небось, поманишь?

— Обязательно поманю,— засмеялся Муратбек, поняв, что отец не осуждает его решение.

Стройка в Экибастузе только начиналась. Еще создавались строительные управления, на месте будущих объектов лежала нетронутая каменная степь. Каждый рабочий, специалист тем более, был нарасхват.

— Значит, работали мастером на строительстве нефтеперерабатывающего?— переспросил Криворотов.— Мастера нам нужны. Пойдешь? Сегодня же и оформим.

— Оформляйте, — ответил Муратбек. — Только рабочим, монтажником.

И не отступил от своего — несмотря на все уговоры, он твердо решил здесь, на новом месте, пройти весь путь с самого начала.

— Мастером поработать успею,— обосновал он свое решение.

Так оказался Муратбек в бригаде монтажников Владимира Усачева. И выпало ему вместе с новыми товарищами стать первостроителем нового в городе микрорайона, будущего микрорайона энергетиков. Закладывали его на пустыре за околицей города, и стоял там на первых порах только один объект — вагончик монтажников.

Потом был торжественный день закладки первого блока фундамента первого в будущем

микрорайоне жилого пятиэтажного дома. Были радости — досрочно смонтировали каркас дома, были и огорчения — трудности в организации работ, перебои с поставкой материалов, долгие дни, когда бесконечно тянутся морозные часы, украденные непогодой, и ты с надеждой смотришь в небо, жадно ловя малейшие признаки ее отступления.

Монтаж металлоконструкций объектов Экибастузской ГРЭС-1 был еще впереди. И хотя рвались руки и сердца к большой работе — все понимали, что сейчас жилье наполовину решает успех. Скоро забуллит жизнь, приедут тысячи строителей, и нужно подготовиться к их приему, создать необходимые бытовые условия.

Потом Муратбека послали на монтаж бетонорастворного завода. Это был уже шаг к промышленной площадке будущей ГРЭС. На заводе работа была не из легких, но пришел, наконец, и день, о котором все мечтали: поставлены первые колонны каркаса главного корпуса станции. В их установке участвовал и он, Муратбек Мустафин, уже бригадир.

— Что на стройке не работал, — сказал он Амантаю Махамбетову, — это не беда. Научишься, поможем. Но надо, чтобы ты сам старался. Чтобы помнил, куда и зачем ты пришел.

И добавил усмехнувшись:

— А заработок... Работа будет, и заработок будет.

Так навсегда связались в сознании Амантая простые понятия — будет от тебя прок, будет и тебе отдача.

Потом в бригаду пришли Александр Пономарев и Леонид Соболев. Оба опытные монтажники, прошедшие хорошую школу на стройках Павлодара и Караганды. Муратбеку стало куда легче. Есть на кого опереться, есть кому поучить молодых. Тем более их приход был очень кстати — пополнялась все же бригада за счет молодых парней, которым все надо было объяснять подробно. И не просто объяснять — приучать к работе.

Труден хлеб бригадира. Авторитет его зиждется на безупречном знании монтажного дела, умении быстро ориентироваться в обстановке, мгновенно решать десятки возникающих в течение смены трудных вопросов. Умеешь организовать работу, обеспечить хорошую выработку — тогда легче говорить о дисциплине, тогда твои слова приобретают значение и вес.

Бригада Муратбека Мустафина быстро вышла в передовые. Наверное, и сейчас руководил бы он созданным им коллективом, но однажды его пригласили на партийное бюро управления и сказали:

— Бригадирствуете вы хорошо. Но на стройке острая нехватка мастеров. Мы боремся за высокое качество работ, а ведь в этом деле мастер — одна из первых фигур. Словом, партийное бюро предлагает перейти на должность мастера.

Скоро уже два года, как Муратбек ходит в мастерах. Сейчас в его смене две бригады, занятых на укрупнительной сборке, — Григория Корсуна и Александра Никулина. Оба имеют большой опыт работы, умеют подойти

к человеку, найти ключик к каждому. Часто Муратбека можно увидеть вместе с бригадами. Склонившись над чертежами, они сосредоточенно обсуждают возможность сокращения времени сборки. И назавтра еще одна операция выполняется по-новому, ускоренному, способу.

...Сроки поджимали, до наступления холодов надо было поставить временный торец главного корпуса ГРЭС, который должен был отгородить часть здания, что позволило бы вести монтаж первых двух котлов станции в зимнее время. Загвоздка состояла в том, что детали торца поступали с завода с большим опозданием. Вот тогда бригады на укрупнительной площадке слышали:

— Времени осталось мало. Надежда только на вас.

В тот напряженнейший месяц новаторы под руководством мастера Мустафина разработали десятки предложений по ускорению сборочных операций.

...Заканчивается еще одна смена. Начал ее Муратбек, как обычно, с наряда, объяснения рабочего задания. Но тут в кутерьме дел его остановил молодой парень в солдатской форме, только погоны снять успел. Козырнул по привычке, представился четко, подтянуто, по-военному:

— Рядовой Рахимов прибыл на стройку по комсомольской путевке в распоряжение мастера Мустафина.

— Я мастер Мустафин,— ответил Муратбек, невольно любясь новичком.

— Разрешите приступить к работе?

Но Муратбек не торопится. Надо побеседовать со вчерашним солдатом, прикинуть, к кому, на какую операцию поставить, просто поддержать молодого рабочего, чтобы он с самого начала не чувствовал себя здесь, на стройке, в новом коллективе, одиноким.

Время обеденного перерыва проходит незаметно, в хлопотах и заботах. Муратбек не позволяет себе расслабиться, отвлечься. У него есть ответственное поручение — он член группы политинформаторов. На работу пришел со свежими газетами, а в блокноте несколько листков исписаны мелким, убористым почерком. И когда, пообедав, обе бригады собираются на традиционный перекур, Муратбек просит несколько минут внимания.

— Пока у нас есть время, давайте поговорим о событиях в нашей стране. У меня с собой газета, и в одной есть интересная статья с описанием опыта монтажной бригады. Думаю, нам пригодится. Я изложу суть дела, и давайте обсудим — может быть, стоит перенять опыт?..

Течет беседа. И как-то незаметно разговор переходит к делам управления, смены, каждой бригады. Идет деловой разбор рабочих дней, оценивается вклад каждого в общее дело.

Напомню, что не прошло еще и трех лет с того дня, как Муратбек Мустафин пришел на стройку Экибастузской ГРЭС-1. Немного, кажется, прошло времени. Что можно сделать за эти годы, какой след оставить после себя? А между тем как раз за этот период стройка развернулась во всю свою богатырскую мощь. На пустыре, где совсем недавно Муратбек закладывал фундамент первого дома, вырос круп-

ный микрорайон. Уже построено здесь более ста тысяч квадратных метров жилья, работают два детских сада, школа на полторы тысячи учеников гудит и звенит голосами с утра до вечера. Распахнуты двери магазинов и столовых, предприятий быта. Состоялась закладка Дворца энергетиков — красивейшего в Павлодарской области здания.

За городом, где на берегу соленого озера Женгельды ведется строительство Экибастузской ГРЭС-1, уже поднялся гигантский, видный за десятки километров главный корпус станции. На месте соленого озера уже плещется озеро пресное — хранилище воды, которой для станции потребуется немало. На сборочной площадке, вблизи главного корпуса, ведется сборка в крупные узлы деталей первого котла станции. На торце его аршинными буквами выведена надпись: «Даешь один миллион киловатт в 1979 году!»

Сделано много. И Муратбек Мустафин с полным правом мог бы сказать, что во всем этом есть и немалая доля его труда. Ведь любая стройка держится на таких, как он. Его труд — и в новых домах, и в тысячах тонн собранных металлоконструкций, и в создании крупного, надежного коллектива строителей-монтажников.

Первый в крестьянском роду Мустафиных представитель рабочего класса с честью оправдывает высокое звание советского рабочего. Муратбек уже считает себя экибастузцем. И не только потому, что живет здесь в доме, построенным им же. Он приехал сюда навсегда. Впереди строительство второй, за-

тем — третьей и четвертой станций Экибастузского энергетического каскада.

Недавно получил Муратбек письмо от брата. Пишет Кайрат, что после окончания службы в армии приедет он в Экибастуз на стройку, заранее советуется, чему учиться, чтобы стать хорошим монтажником. И жена Галия работает рядом с Муратбеком, в этом же управлении.

— Знаете,— сказал однажды Муратбек,— до чего приятное чувство — сознавать, что этот дом построен твоими руками, и ты причастен к досрочному пуску ГРЭС...

Да, поистине большая радость — идти по жизни и оставлять после себя вот такие хорошие, надежные следы.

Особенно, когда тебе только тридцать и когда все еще впереди...

Б. Авербух*

ПОВЕРЬТЕ МНЕ, КАК ВРАЧУ

Ко мне обратились с очень простой и невыполнимой просьбой. Представьте себе, нужно в немногих словах рассказать о себе, своей жизни, тех годах ее, которые связаны с Экибастузом, с его судьбой.

А город наш действительно молод, и судьба моя, биография моя действительно тесно связаны с ним. Так тесно, что когда подумаешь — как разделить их? — то раздела и не видишь.

Я — врач. Жизнь моя дала мне многих учителей и научила многому. И если в рассказах мне придется быть хирургом, терапевтом, невропатологом, акушером даже — что ж, так и было.

¹ Борис Менделевич Авербух — заслуженный врач Казахской ССР, почетный гражданин Экибастуза.

Год 1949-й. Вижу: небо, где нет и не предвидится солнца, клочья туч, которые рвет и мечет колючий ветер. Осенний дождь пополам с мокрым снегом сечет палаточный городок строителей.

Вечер наступает так стремительно, что свет зажженных фонарей уже ослепляет. Кажется, это палатка. Да, она, моя брезентовая палатка, такая же, как и все другие, только фонари ярче горят. Сейчас в ней лежит совсем молодой парнишка, куда моложе меня. Час назад с ним случилось несчастье в разрезе. Бывало знаете, и такое.

На врачей часто обижаются: и небрежны они, и не торопятся на помощь, если надо. А где не надо — там спешат, как на пожар, забывая, мол, о пациентах.

И этот парнишка обиделся. Я руки мою, к операции готовлюсь, а он торопит. Боль кому хочется терпеть, особенно, если рядом человек, умеющий мгновенно ее убрать.

Так, наверное, и думал: я лежу, страдаю, а он ручки час моет. Но ничего, потерпел.

— Самочувствие как? Больно?

— Терпимо. Пока...

— Фонарь сюда переставьте. Зажим... еще зажим... хорошо... стерилизатор готов?.. Вы что любите?

— Не понял.

— Увлекаетесь чем? Музыка, кино, стихи.

— Стихи, доктор.

— Читайте.

Он поднял на меня далекие, отрешенные и недоумевающие глаза.

— Читайте,— сказал я и понадежнее взял

ланцет.— Приготовьте все,— обратился к сестре.

Он начал читать:

— Пустота...
Летите,
в звезды врез...

— Сейчас будет еще больше,— предупредил я.— Читайте дальше.

— Не позволю
мямлить стих
и мять.
Оглушить бы их
трехпалым свистом
В бабушку и...

.

— Ничего, ничего... Читайте, не молчите!
Крючок... Тампон...

Для веселия
планета наша
мало оборудована.
Вырви радость
у грядущих дней!
В этой жизни
помереть не трудно,
Сделать жизнь
значительно трудней...

Сняв перчатки, я присел возле него. Фонари мелькали ненадежными язычками огня, показалось, что становится темнее, или это в глазах темнело. Вовсю был слышен ветер, и я не знал, сейчас ли он начался или все эти часы так же завывало волчьими голосами над всей белой, непроглядной степью.

— Сдохну я, доктор? — спросил он тихо, и стенка палатки прогнулась под ветром, и пробежала по ней четкая рябь.

— Дурак, — сказал я, и парень не обиделся, даже головой чуть кивнул, соглашаясь с этим словом и видя в нем необидную правду. — Сделали тебе жизнь. Спи. Проснешься сам.

Он проснулся сам. Первый из тех, кого я вытащил из беды здесь, в будущем Экибастузе.

Считать всех не буду, люди — это не костяшки бухгалтерских счетов. Живые люди. И для того мы, врачи, были там, чтобы жили они.

Работа такая.

...Был я в то время начальником медико-санитарной части треста Иртышуглестрой. Каждый день прибывали новые отряды строителей. Размещали их в палатках, землянках, вагончиках. О жилье в том смысле, в каком мы говорим сейчас, и речи не было. Это и понятно — немногим более трех лет прошло после войны, все надо было делать заново. Особенно в новых районах, практически не освоенных.

Сам я с женой и с двумя маленькими дочерьми жил в том самом вагончике, в котором и приехал к месту строительства.

История Экибастуза — советского Экибастуза — тогда насчитывала менее года. Понятно, что трудности были невообразимые, особенно с поставками материалов, не предназначенных собственно для строительства разреза.

Это сегодня возведение экибастузских ГРЭС, всего ЭТЭКа в комплексе с самого начала предполагает и удобства для строите-

лей, и жилье, и горячую пищу в прекрасной столовой, и все, что надо для нормальной, устроенной жизни. Не говорю уже о больницах, профилакториях, поликлиниках.

А тогда больше всего, пожалуй, угнетали перебои с поставками керосина, который был и источником освещения, и топливом, и — довольно часто, что скрывать — профилактическим средством. Фонари керосиновые зажигали лишь во время операций. В остальное время обходились сальными каганцами. Трудно было с продуктами, пресную воду берегли лишь для питья. На стирку, умыванье шла горько-соленая вода из ближайших озер.

Но должен отметить, что не трудности определяли наш быт, наше настроение. Признаться, не так уж мы их и замечали тогда — в такие месяцы и годы в людях возникает своеобразная защитная реакция на трудности. Человеку свойственно искать радости; неприятное он отвергает, старается не замечать. Так и мы — жили, работали, отдыхали, не видя ничего сверхобычного в своей жизни и работе.

Мне много раз приходилось говорить об этом с Николаем Ивановичем Петренко, первым и бессменным главным маркшейдером треста Иртышуглестрой. И мы всегда приходили к выводу — нет, не было в нашей жизни никакой жертвенности, чрезмерного аскетизма, самоотречения. И радостями, и всем светлым жизнь нас не обделяла. Просто, наверное, смещаются масштабы, появляются новые мерки. Но величины, определяющие светлые и грустные стороны человеческой судьбы, неизменны. Мы были счастливы и печалились так

же, как бывают счастливы и печальны люди конца семидесятых годов. Люди наших дней.

Вернусь снова в тот год.

Болезни, как известно, не ждут. Они приходят без зова, и они неизбежны в местах массового скопления людей. Первых больных мы смогли еще кое-как устроить в стареньком здании, которое местные жители называли «английским домиком». Он был построен, по их словам, акционерным обществом англичанина Лесли Уркарта, хозяйничавшего в этих местах до революции. Но, конечно, «английский домик» не мог заменить настоящей больницы. Поэтому ранней осенью строители заложили фундаменты под три здания барачного типа, в которых намечалось разместить все медицинские службы будущей больницы. Таким образом, вопрос о помещении решался сравнительно недолго.

Но тут же перед нами во всей своей сложности встал вопрос другой. Где найти медицинских работников, опытных сестер и санитарок, кем укомплектовать штат?

Я не устаю поражаться советскому человеку, его великолепным и разнообразным талантам. Как только стало известно о потребности больницы в работниках, они нашлись. Жены строителей, женщины из окрестных деревень и аулов, люди в годах и совсем молодые — все, кто во время войны работал во фронтовых и эвакуационных госпиталях, кто повидал и испытал невзгоды и горе, пришли к нам. Пришли и те, кто мечтал о работе в медицине, но не имел никакого опыта в этом деле.

Строилась больница, текли дни, а мы учили будущих коллег делать перевязки, останавливать кровь, накладывать шины. Часто возникали беседы, основной темой которых была этика медицинского работника. Пусть многие занятия были похожи на изучение букваря в первом классе — мы изучали другую, более важную азбуку, от знания которой так часто зависит человеческая жизнь.

Осень нагрянула быстро, слишком быстро. Глину для штукатурки помещений месили уже под первым снегом. Но жалоб особых не помню, и не до них было, торопились успеть.

На больничной лошади, которую мы называли «скорой помощью» (ею она и была на самом деле), я объезжал больных. Морозы были крепкими. Особенно много было больных среди жителей «карашахт», этой проклятой памяти английских предпринимателей.

Представьте себе полуземлянки, расположенные в старых выработках, черные мокрые стены, спертый воздух. Это трудно вообразить, но в таких, с позволения сказать, «домах» жили до революции все шахтеры Экибастуза. Угнетаемые каторжным и беспросветным трудом, лишенные права на человеческое достоинство, они медленно умирали, добывая для других богатства наших недр. Когда я слышу о наследии капитализма — я вижу эти землянки. Красноречивее примера не придумать.

Помню свирепые бураны, налетевшие в декабре. Сутками нельзя было выйти из помещения. Снегу навалило столько, что крыши домов скрылись под его ровным белым слоем.

Но пришел конец и буранам. Мы поспешили к Лольным, я, как обычно, отправился на «карашахты». Был уже вечер, когда освободился и отправился домой, но опять пошел снег, разыгрался ветер, он обжигал лицо. А идти оставалось не меньше трех километров. Конечно, я сразу же сбился с пути — да и немудрено сбиться с пути, которого нет. Плутал больше часа, окоченел и стал понимать, что это, наверное, последний мой путь. И когда надежды не оставалось (все же я врач, понимаю состояние других, а значит, и свое) я споткнулся и ухватился за что-то, и тут же в лицо пахнуло дымом. Оказалось, что опорой моей была печная труба. Более того — дом, на крыше которого я стоял, находился совсем рядом с моим жильем.

Не затем я рассказал это, чтобы продемонстрировать трудности, показать наглядно риск тогдашней нашей работы, нет. В тот день я сделал для себя вывод, который так часто помогал потом, — нельзя, никогда нельзя терять надежды. Найдутся люди, которые помогут тебе, обогреют, как обогрели меня тогда, в 1949 году.

Год 1950-й. Наконец-то прибыло долгожданное пополнение! Четыре врача и десять медицинских работников с ходу включились в круговорот повседневных дел. Их не пришлось убеждать, не пришлось много говорить о важности медицинского дела в наших условиях. Люди понимали это сами, и я с большим удовольствием и благодарностью вспоминаю врачей и фельдшеров Г. А. Будкину, Е. И. Сергееву, Л. Л. Гаркину...

Мы были не просто коллективом медиков — мы были единомышленниками. Невероятно трудной оказалась задача организации системы здравоохранения в Экибастузе, но решить ее было необходимо.

И снова вспоминается отдельный день, отдельная картина, и за деталью видится большое целое — словно из разноцветных мозаичных осколков складывается живое, трепещущее светом и движением полотно, наполненное простым и прекрасным содержанием.

...Весна торопила строительство первой больницы. Строителей не хватало, ведь основная часть их занималась важнейшим делом — вскрышей угольных пластов. Пришлось обратиться за помощью к горожанам.

Ранним утром строительная площадка запестрела цветастыми платьями женщин, спортивными костюмами мужчин. На воскресенье пришли целыми семьями, даже с детьми-подростками. Веселые шутки, смех, приветствия звучали у большого фанерного щита с яркими красными буквами: «Даешь новую больницу!»

Открывая митинг, я оглядел людскую разноцветную толпу, посмотрел в ожидающие, оживленные лица: что же сказать им, просто и сердечно?

— Мы пришли помочь строителям, — сказал я. — Больница уже почти готова, остались отделочные работы, так что не будем терять времени даром.

Наверное, это была самая короткая митинговая речь — моя, во всяком случае...

И закипела работа. Сноровисто управлялись люди мастерками, терками, кистями. Время такое было, что с этими инструментами все умели обходиться. Не то, что сейчас, когда иной и гвоздя забить не умеет... Да это я не в упрек говорю, скорее, с некоторым сожалением — мало ли что в жизни бывает, все надо уметь, любую работу ладить.

А как работали! Весело, празднично, с песнями, с задорными подковыристыми шутками. Во мне вроде бы председателя госкомиссии видели — всюду тащили, требовали оценить работу, посоветовать, как лучше сделать. Знай успевай поворачиваться.

К вечеру бараки были неузнаваемыми — сияли белизной и свежей краской, горели протертыми до зеркальности окнами. Хоть сейчас начинай прием больных.

Все радовало в операционной. После палаток и землянок казалось, что в такую современную операционную попал, какая редко где может быть. Руки тянулись к делу.

А во дворе из остатков досок, обрезков, сухой травы уже сложили костер, и люди стояли и сидели возле него, задумчиво глядя в живой огонь...

Наша врачебная практика в такие иной раз приключения заводит, такие сюрпризы может преподнести, что просто ахнешь. Со мной, с коллегами случались вещи и забавные и трагические. Вот почему я сразу согласился, когда меня попросили что-нибудь рассказать.

Авторитет в медицине можно разными путями приобрести. Иной всю жизнь добивается, а иной...

Однажды молодой, недавно назначенный в глухие таежные места фельдшер возвращался в село. Доживающая свой век лошаденка то и дело спотыкалась о корни деревьев, стальной вязью переплетавших узкую малохоженную тропинку. Приходилось ее понукать из опасения — сейчас остановится и заснет, бе-долага.

Тропа шла мимо неприметного, спрятанного в зарослях озера, на берегу которого в летнюю пору стояли шалаши лесорубов. Фельдшер увидел, что у озера мечутся люди, что-то кричат, размахивая руками.

«Как у Чехова», — мелькнула невольная мысль: на берегу бестолково и неумело делали искусственное дыхание здоровенному мужику.

— Егор утоп, — закричали лесорубы, увидев фельдшера. — Насилу из воды вытащили. Помогай, медицина!

«Медицина» быстро осмотрел утопленника, стал делать ему массаж, искусственное дыхание. Пульс не появлялся. Надежды не оставалось. Пришлось укутать тело в овчинный тулуп и взвалить на лошадку. Прыткая на ноги молодежь помчалась в село сообщить о несчастье.

«Жил на свете человек, — размышлял фельдшер, мало еще видавший смертей, — валил себе лес, растил детей, и ни сном, ни духом не ведал, где найдет свою...»

— Д-д-дя-дя, ты куда меня везешь?

«...свою раннюю, несправедливую и нелегкую...»

— С-стой, говорю!

Оторвавшись от печальных завораживаю-

щих мыслей, фельдшер оглянулся: утопленник резво бился, высвобождаясь из тулупа.

Так и не додумал фельдшер печальных страшноватых мыслей: от неожиданности он потерял сознание. Лошадь с готовностью остановилась над его телом, загородившем тропу.

В деревне «утопший» Егор внес его в хату, растер сагоном и отпоил медовой брагой.

— Пей, спаситель,— приговаривал он и цыкал на порывавшихся плакать баб.— Кто б такое удумал, а? Протряс на лошади, и очутился я...

С той поры авторитет фельдшера поднялся на небывалую высоту, и звали его только доктором.

— А кто он был, этот фельдшер?— поинтересовались у меня, когда смех умолк.

— Пустых вопросов договаривались не задавать.

— А как же мысли его узнали?

— Давайте лучше спойте,— попросил я, уходя от разговора, принимавшего нежелательный для меня поворот.— Речь ведь шла не о мыслях, а об авторитете медицинского работника. На пустой случай надеяться нечего, работа и только работа...

Через неделю после воскресника больница уже встречала первых пациентов: желтые свежеекрашенные полы, белые занавески на окнах, железные койки, застеленные хрустящими простынями! На каждой прикроватной тумбочке в стеклянных банках стояли неяркие и милые степные цветы. Мы, как могли, старались создать в палатах уют.

Характерной, я бы сказал, была в то время заболеваемость. Просмотрел свои записи за тот год и вот что обнаружил. Сейчас мы практически не знаем, что такое малярия, резко снизился процент заболеваемости туберкулезом, побеждены самые тяжелые и массовые инфекционные заболевания. А в 1950 году зафиксировано 78 случаев малярии, 89 — туберкулеза, причем последний имел столько форм — кожный, легочный, костный...

В Экибастузе сейчас широкая сеть медицинских учреждений, которой может позавидовать любой крупный город. А начиналось все с трех барачных, гордо именуемых «больничным городком».

Год 1954-й. Строительство все убыстряло темпы. Уже ясен был примерный срок выдачи на-гора первой тонны экибастузского угля. Должно было это произойти в конце года.

Работы велись в три смены, и, повинуясь создаваемым условиям, стали круглосуточно работать созданные нами прямо в разрезе санитарные посты.

Трудно даже сегодня, даже на общем фоне сегодняшней профилактической и терапевтической медицины переоценить значение тех медпунктов. Оснащенные лишь самым необходимым оборудованием и медикаментами, укомплектованные энтузиастами, они внесли весомый вклад в дело строителей и горняков. Порой к медицине бывают несправедливы, доказывая, что оценить ее эффект нельзя. Смею утверждать, это — ошибка. Медицина не только спасает людей, предотвращает болезни, — она приносит и прямой экономи-

ческий эффект. Его нетрудно, пожалуй, и в рублях выразить. Только в тот год наши медпункты сохранили тысячи рабочих дней.

Многое можно вспомнить, о многом рассказать. Насыщенный, интереснейший год был. Переломный, во многом определяющий год.

Приближался день выдачи первого угля.

Началось освоение целинных земель, и ожили степи вокруг города.

Экибастуз поднимал свои первые этажи.

В июне строители передали нам новую, по типовому проекту построенную больницу со стационаром на 210 коек. В трех корпусах разместились инфекционное, терапевтическое, детское и хирургическое отделения, все службы.

Нашего полку тоже заметно прибыло — приехали высококвалифицированные специалисты. Хирурги Черторогов, Алешина, Нечаева, Байюнкуй, терапевты Шумская, Нурсултанова, Юшкина и Князькова, педиатры Давыдова, Величко внесли большой и всем памятный вклад в дело защиты здоровья экибастузцев.

Трудное и прекрасное было время. Незабываемое...

И вот, наконец, один из декабрьских дней. Он начался с поздравления. Это вообще был день поздравлений, стихийных митингов, общей радости.

В разрезах обнимали и целовали Николая Николаевича Колотева, только что загрузившего первый эшелон экибастузского промышленного угля.

У нас, в больнице, смущенно и радостно принимала его жена, наш коллега, каким-то чудом добытые цветы.

...Иногда мне приходится видеть на лицах подростков этакую скептическую ухмылку, когда речь заходит о подвигах первопроходцев. Чего, мол, там? Ну, приехали, ну построили... И что?

А я помню, как под ветром и морозом лопались от температурных напряжений стальные болты и крепления, как от ударов по стылой земле гнулись кирки, как отказывались служить машины. И как под этим же самым ветром, на этом же морозе — и с руганью, и с шуткой, и с отчаянной веселостью — работали люди. Металл не выдерживал — люди выдерживали. И это не фраза, не образ, а строгая констатация факта, — поверьте слову врача.

Год 1968-й. Вы знаете, какова сегодня главная трудность у шахтеров и транспортников Экибастуза? Как вывезти уголь — проблема проблем, несколько неожиданно вставшая перед ними. Обычно считается — лишь бы добыть, а вывезти...

Сегодня проблема есть и у нас, медиков.

Я всегда был уверен, что надо предупреждать заболевания. Не ахти оригинальное убеждение, конечно, да суть не в этом.

Когда меня назначили главным врачом городской больницы, когда наступил период организации горздравотдела, обнаружилось, что вопрос не в отставании большой медицинской науки и техники от запросов времени, а в нашем, врачей, невольном отставании от

большой науки. Не проходит года, чтобы бесспорная рекомендация не оказывалась вдруг устаревшей, новая техника — несвоевременной.

Убеждение, что особое внимание надо обратить на предупреждение заболеваний, утвердилось. Теперь надо было его подкрепить конкретными делами.

Разумеется, мне приходилось много бывать в различных лечебных учреждениях страны, на курортах и в санаториях. Я делал наброски оборудования, доставал чертежи и «синьки». Не обходил вниманием и литературу по профилактике заболеваний. И однажды появилась уверенность, что теоретический багаж для обоснования необходимости физиолечебницы достаточен, пора действовать. Надо было идти к руководителям города.

И мои земляки, и я бесконечно благодарны тогдашним руководителям горкома партии и горисполкома. Ведь их поддержка в конечной степени стала решающей.

Горячо поддержал идею физиолечебницы и Георгий Степанович Гридин, руководитель треста Иртышуголь (теперь производственное объединение Экибастузуголь). Более того, взялся финансировать строительство.

Буквально шагами вымеряли мы с Георгием Степановичем площадь больничного комплекса, выбирая место для будущей лечебницы, планируя расположение кабинетов и отделений. Учитывали и то, на какой этаж будут подниматься пациенты. Тогда же пришло оригинальное решение — опустить подсобные помещения под землю, а над землей оставить

только два этажа. Время показало, что решение правильное. Иной раз очень полезно отказаться от традиционного, преодолеть инерцию.

...Лечебница строилась, прибывало оборудование, договорились и о поставке целительных грязей курорта «Муялды». Когда наступил день открытия, когда в физиотерапевтическую поликлинику — так стала называться лечебница — пришли первые пациенты, я не мог не вспоминать о нашем первом «больничном городке». Сейчас, с временной дистанции, не покажется ли он смешным и... жалким, что ли? Но нет. По-прежнему светились гордостью глаза строителей и медработников тех лет и виделись восхищенные лица пациентов, которые впервые входили в настоящие палаты настоящей больницы.

Ценность всего, как известно, определяется временем. Тогда наша больница была столь же бесценной, сколь обычной, нормальной стала сегодня эта великолепная поликлиника. В ней можно принять морские, родоновые, жемчужные или хвойные ванны; веерный, циркулярный или восходящий души; грязевые ванны, «кислородный коктейль» в ингалятории — все, что соответствует запросам и нормам времени.

К нам скоро стали приезжать за опытом врачи, делегации со всей страны. Смотрели, оценивали, набрасывали чертежи...

Год 1978-й. Мне уже шестьдесят пять лет. Сколько было за эти годы приобретений и утрат, радостных и горестных дней. А вот вспоминать хочется только радостное, светлое, прекрасное.

Что было радостным? Учеба в медицинском техникуме, работа фельдшером. Комсомольская путевка после института на Дальний Восток, в Комсомольск-на-Амуре. Работа на строительстве железной дороги, которая приобрела сегодня звучное имя БАМ.

Есть горести и незабываемые: война и расстрел фашистами матери и отца.

Ангрен, бессонные ночи на строительстве угольного разреза. Направление в Экибастуз.

Тысячи больных, операции; радость, когда человек поднимается на ноги.

Уходят из жизни близкие друзья и дорогие люди. Не тем стало здоровье. Но выросли дети — мои и строителей Экибастуза. Но вырос и растет Экибастуз и зовется теперь ЭТЭК.

Приобрели известность и завоевали имя ученики. Это счастливая жизнь, товарищи. И это тоже не фраза, а строгая конституция факта. Поверьте мне, как врачу.

*Литературная запись
М. Касаткина*

В. Дегтярев

СЕЙЧАС БУДЕТ ЗВОНОК

Елизавета Евдокимовна ждала, пока шумливые ученики выйдут из класса. Звонок на перемену прозвучал несколько неожиданно для нее. Видимо, за каникулы чувство «академического» часа все же притупилось. Урок математики был вторым у десятого «А», и они тоже не втянулись еще в тот насыщенно-напряженный ритм, какой задает на уроках Елизавета Евдокимовна.

Учительница открыла классный журнал. С удовлетворением подумала, что спросить успела всех, кого наметила. Смышленные ребяташки в этом классе... «Ребяташки?!» — и усмехнулась. Своих детей она тоже называет про себя так, хотя старший сын Володя уже офицер и сам воспитывает солдат, младшая — Леночка — скоро окончит школу

и мечтает поступить в пединститут. Учителем собирается быть, и, как мать,— обязательно преподавателем математики. Учится она на «отлично», математику любит; что ж, пусть будет педагогом.

«Педагогом? Тут мало одной любви к математике или физкультуре... Я ведь ей объясняю: трудно, дочка, педагогом быть, нелегкое это дело. Шла бы ты лучше в другой институт. Другую бы профессию выбрала...»

Елизавета Евдокимовна вдруг вспомнила, что ждут ее. Когда шла на этот урок в десятый «А», ее почти возле самого класса догнала девушка — симпатичная такая, в очках, и сказала, что она журналистка и хочет побеседовать с ней.

Елизавета Евдокимовна заторопилась. Захлопнула журнал, посмотрела на часы. У нее как раз было «окно» в расписании, и 45 минут оставались свободными. Хотя разве может быть столько свободного времени у завуча школы? Дела отыщутся! Тем более выпускные экзамены скоро...

Елизавета Евдокимовна заторопилась к себе в кабинет. Журналистка напомнила ей кого-то из ее выпускниц, и потом она ждет уже почти целый час. Неудобно! Спрашивать будет, конечно, как стала учителем, кем стали ее ученики, почему выбрала именно математику, а не литературу, например...

— Извините — сказала Елизавета Евдокимовна журналистке, — четверть только началась, дел много, да и (она чуть не сказала — ребятишки) дети немного разбаловались за каникулы. Весна, знаете...

— Пожалуйста, Елизавета Евдокимовна.

Журналистка закрыла журнал «Семья и школа». Там карандашом было подчеркнуто несколько абзацев из статьи о проблемах воспитания. Эту статью Елизавета Евдокимовна специально для себя отложила, да все не было времени всерьез ее проработать: некоторые высказывания автора ей показались спорными.

Девушка не знала, кто подчеркивал эти строки. Она пробежала статью бегло, только для того, чтобы на всякий случай подготовить пару вопросов, если разговор зайдет в тупик. Это была начинающая журналистка.

А перед ней сидела женщина с чуть усталыми, но внимательными и живыми глазами. «Бывает же так — вроде и пожилая, а глаза, как у девчонки! Даже завидно!» У учителей взгляд — будто сейчас спросят. Ольшанская не была похожа, предположим, на инженера. Именно такой ее и представляешь — учительницу старшего поколения, узнаешь даже на улице. Одета строго и со вкусом. Кстати, а как название — не подойдет ли: «Инженер человеческих душ»? Кажется, неплохо.

— Елизавета Евдокимовна, а как выбрали вы профессию? Что послужило толчком, если можно так выразиться?

Елизавета Евдокимовна улыбнулась: вспомнила она — журналистка внешностью и манерами похожа на ее выпускницу Людмилу Ехаеву. Та тоже все время старалась казаться старше своих лет, держалась независимо. Сейчас она ученый — ведет исследования в

области генетики в Сибирском отделении Академии наук СССР.

— Как стала педагогом? Знаете, наверное, как и большинство других. Был 1944 год — сами понимаете, что это было за время. А я — учительница — сама только-только со школьной скамьи. Мы в Галкино жили тогда, в Щербактинском районе Павлодарской области. Учителя у нас в школе были из эвакуированных. А как стали их города освобождать, они и поужезжали домой. Нас четверых прямо после выпускных экзаменов отправили в Семипалатинск, на ускоренные курсы по подготовке учителей. Это было в 1943 году, а в 1944 году я уже первый урок провела. Стала учителем по необходимости. Нужно так было. Мечтала, правда, о другом.

— И больше нигде не учились? — удивленно спросила журналистка.

— Училась, конечно. В Алма-Атинском педагогическом, окончила его с отличием и опять вернулась в Галкино. Знаете, ведь учиться приходится всю жизнь. Так и сказал мне мой самый любимый учитель — Михаил Пантелеевич Купавченко. Он был серьезный человек, строгий очень. Мы его побаивались даже. На выпускных экзаменах он меня отозвал в сторону и говорит: «Чувствую в тебе, Елизавета, учителя». И мне его слова надолго запомнились. Таким людям, как Михаил Пантелеевич, верили. Очень верили, уважали и любили.

Журналистка черкнула в блокноте: «Наставник — Мих. Пант. Купавченко». Елизавета Евдокимовна продолжила поспешно:

— А в 1959 году приехала в Экибастуз. Знаете, он совсем не похож был на нынешний. И школа была другая. Сейчас она у нас — вон какая... красивая! Да, приехала, значит, а меня сразу — завучем. Опыт, говорят, есть, и образование. С тех пор и заведую...

Елизавета Евдокимовна вспомнила, что сегодня в восьмом классе после уроков должна провести небольшую беседу, а конспект, кажется, оставила дома. Она извинилась и стала перебирать бумаги в портфеле. Вместе с поурочными планами выложила на стол и газетную вырезку. «Почину экибастузцев — широкие крылья» — бросилась в глаза рубрика. Абзацы статьи были отчеркнуты тем же красным карандашом, что и статьи в журнале «Семья и школа».

— Мне говорили, — сказала журналистка, — о большой общественной работе, которую вы ведете. Расскажите, пожалуйста, подробнее.

— Ну, уж так и большую! — улыбнулась Елизавета Евдокимовна. — Мы все ведем — большую! А я одна — совсем чуть-чуть!

Елизавета Евдокимовна бережно расправила газетную вырезку, помолчала. Если спрашивают, нужно рассказывать. Только хватит ли времени? До конца урока еще, правда, полчаса, но ведь то, о чем нужно говорить, так много для нее значит. Это дело всей ее жизни, и не только ее. Тут можно, нет — нужно говорить не один час.

Учительница немного рассердилась на себя: нужно говорить, отвечать на вопрос — времени ведь мало, да и у девушки тоже работа, у

нее, наверное, еще много дел. «Журналисты — беспокойный народ» — вспомнила она чью-то фразу. Редко ей приходилось сталкиваться с этим беспокойным народом.

И Елизавета Евдокимовна начала рассказывать.

— В апреле 1962 года—17 лет назад — на собрании партийного актива Экибастуза было принято обращение ко всей общественности города: включиться в движение за звание города коммунистического воспитания детей. С тех пор здесь ведется большая и плодотворная работа под девизом «Воспитание детей — дело всей общественности, дело каждого из нас». Движение уже стало традиционным, нашло широкий отклик и в области. Обычное шефство переросло в деловое содружество семьи, школы и производства.

Были такие, кто говорил: все это чепуха, одна бумажная волокита, ради галочки. Что ж, в любом начинании толчок его развитию дает не только идея, но и борьба с ее противниками. Кто-кто, а Елизавета Евдокимовна прекрасно помнит, как скептики оказались активными участниками движения за коммунистическое воспитание.

— В общем-то, вы обратились по адресу. Я член методического совета по коммунистическому воспитанию детей при горкоме партии. Так что у меня не только свой опыт, но и опыт других — очень большой и разнообразный, кстати. А как вы себе представляете проблему?— не удержалась Елизавета Евдокимовна, спросила все же! Видимо, такова уж профессиональная привычка.

— Это целый комплекс воспитательных мер, которые нельзя развивать односторонне, — ответила журналистка. Ответ ей самой показался на «тройку».

— Действительно — комплекс, — обрадовалась Елизавета Евдокимовна. Собеседница ей все больше и больше нравилась. — Кажется, что здесь плохого, если человеку прививается любовь к труду? Возьму школьный пример, из своей практики. Был у меня ученик. Его фамилия..., скажем, Иванов. Учился на «отлично». По всем предметам. Математик, можно сказать, исключительный. Способный парень был, а главное — трудолюбивый. А ведь это зачастую трудно совместимые вещи, а у школьников особенно. Короче, будущее его представлялось светлым. Окончил он наш Павлодарский индустриальный институт, стал инженером. Так вот, узнала я недавно, что он подрабатывает — курсовые делает заочникам, контрольные выполняет за них. Обидно? Конечно! Особенно нам, педагогам. И стыдно. Ведь не разглядели в нем способности на такое вот делячество. Получается, плохо воспитывали его! Нравственных уроков мы давали мало, да и не так, как надо бы, наверное.

— Подобный пример, — оживилась журналистка, — приводила и «Комсомолка». Она опубликовала письмо двух молодых людей и комментарий к нему: «Моя хата с... кафелем».

— Мы обсуждали эту статью на классных часах. Ребята сами сделали выводы о «высокоидейном» мещанстве. И мы, педагоги, — тоже. Ведь сейчас у школьников есть все. Я как-то в одной статье в «Литературной газете» вычита-

ла несколько цифр и поразились! Представьте: содержание мальчика для современной семьи обходится в три раза дороже, чем до войны, а гардероб современной школьницы в четыре раза дороже гардероба ее матери в тот период!

Конечно, родители, часто сами того не желая, воспитывают в детях дух потребительства... Это серьезная проблема, причем решать ее нужно в первую очередь родителям же. Я себя иногда ловлю на мысли — Леночке моей тоже хочется быть одетой модно, дорого, но она сама понимает — рано... Ну, мы отвлеклись!

Зачастую мы не принимаем никаких воспитательных мер против потребительски-мещанского отношения школьников к труду своих родителей. Большая ошибка. Сейчас мы всемерно ее исправляем. Когда у нас отчитываются на совете преподаватели ПТУ, то мы как раз и обращаем их внимание на односторонность воспитания. Они видят свою задачу исключительно в формировании у воспитанников профессиональных навыков, даже не подозревая, к каким перекосам в развитии личности это может привести. Такие факты, впрочем, встречаются все реже. Я бы посоветовала вам познакомиться с необыкновенным человеком — мастером производственного обучения ГПТУ № 163 Людмилой Александровной Соколовой. У нее богатый жизненный и производственный опыт, есть что рассказать!

По профессии Людмила Александровна техник-электрик. Работала на производстве, а все как будто не хватало чего-то. И вот встреча с Елизаветой Евдокимовной Ольшанской на од-

ном из семинаров по проблемам комплексного коммунистического воспитания. Крутой поворот в судьбе «на старости лет!» — шутит Людмила Александровна. В ГПТУ дали ей группу слесарей-электриков. А это — три десятка парней, тридцать характеров и судеб. Сначала были педагогические ошибки, просчеты. Всех нарушителей дисциплины, например, отводили к директору. Парни совсем от рук отбились. Собиралась Людмила Александровна бросить воспитательскую должность, вернуться на старое место. Да тут случайно раскрылся ей профессиональный секрет: индивидуальный подход к каждому нужен. Вот, например, Саша Иванов. Хилый такой мальчик был, причем курил много. И родители об этом знали, да мер не принимали. От физкультуры его освободили — слыханное ли дело для парня! Стала Людмила Александровна потихоньку, один на один, стыдить его: «Какой же ты парень? От физкультуры освобожден, на одной людской жалости к себе живешь! Сила воли должна быть у тебя!» И приводила ему примеры о знаменитых спортсменах, о своих знакомых. И добила своего — бросил парень курить и занялся спортом. Сейчас у него разряд по вольной борьбе.

Множество таких примеров назовет Людмила Александровна. Сейчас она и не помышляет себя в другой роли. Многие ее выпускники теперь в институте учатся: Витя Гришин, Саша Маркелов... Шесть лет служит Людмила Александровна нелегкому, но важному делу. Случается, нужен совет — в этом ей всегда поможет Елизавета Евдокимовна Ольшанская.

Она тоже хочет видеть своих бывших учеников, а теперь учащихся ГПТУ-163 достойными продолжателями славных традиций рабочего класса.

— А почему все-таки вы выбрали математику? — спросила журналистка.

Елизавета Евдокимовна уже поняла, что сейчас будет именно этот вопрос. Как на такой вопрос отвечать? Она ведь уже отвечала, собственноручно говоря. Нужны были преподаватели математики, а у нее были способности. Тут следовало объяснить, что важен не сам предмет, который ведешь, важно — как...

Начала издали Елизавета Евдокимовна:

— Знаете, я ведь в школе и драмкружок вела, и в хоре пела...

Подождала немного — пусть журналистка сопоставит: драмкружок и математика. Действительно, сейчас кому ни скажешь — удивляются даже свои, педагоги, особенно молодые: откуда время бралось? Ведь дома столько дел, да еще и тетрадей кучу проверять каждый день приходится. Другие видели парадокс: не литератор, а драмкружок ведет! Тут хотела сказать Елизавета Евдокимовна, что мечта-то у нее была стать актрисой, да вот так повернулось. Не жалеет она ничуть, конечно. Может, вышла бы из нее плохая актриса, кто знает? А как преподаватель, что ни говори, она на месте. В 1970 году вручили ей орден «Знак Почета» — за долголетнюю и плодотворную работу (ох, и громко сказано!) в системе народного образования. С особой гордостью вспоминает она тот день, когда ей присвоили звание (тут уж действительно —

высокое!) — «Отличник народного просвещения». Дома даже расплакалась... Ну, а хор и кружок драматический — это увлечение. Серьезное и надолго. Потом появился телевизор, кинотеатр с разнообразным репертуаром, стадионы, спортсекции. Ребятишки — опять «ребятишки!» — стали равнодушнее к самодеятельности. Да и забот у нее самой общественных больше стало. Вот теперь увлечение — классика. Жаль, мало времени остается на чтение. Но зато даже учительница литературы признает — ученики, говорит, на моих уроках часто на вас ссылаются...

— Узкая специализация — это хорошо, — продолжает Елизавета Евдокимовна. — Только профессия педагога предполагает широкое развитие личности. Вы вот специализируетесь, предположим, на молодежной тематике...

Журналистка кивнула, и заинтересованности на ее лице прибавилось.

— Так неужели вы будете изучать характеры только своих современников? Ведь вам неминуемо придется столкнуться с людьми старшего поколения — они тоже были молодыми, и познание их судьбы есть познание будущего нынешней молодежи. Это диалектика!

«Удивительно разност. образ. личность» — записала журналистка и вспомнила встречу с Николаем Романовичем Колотевым. В разговоре он, кажется, упоминал фамилию Ольшанской? Да, действительно упоминал!

Николай Романович Колотев — легендарная личность, основатель целой династии Колотевых. Сын его — Николай Николаевич — старший механик разреза «Западный». Сын

Николая Николаевича — Владимир — мечтает, закончив школу, стать механиком, пойти по стопам отца. У дочери недавно родился сын, которого в честь прапрадеда назвали Романом. Тоже, наверное, будет горняком — ведь родился в памятный год двадцатилетия города Экибастуза! А Николай Романович — дед его — давно уже на пенсии. Только не ищет он покоя. Одна у него сейчас забота — подрастающее поколение. Да если бы свое! Неугомонный старик. Все время пропадает в школах — то в седьмой, то в первой. В родительском патруле... Мы, говорит, для них все строили, недосыпали, недоедали. Так и воспитать мы их должны!

Елизавета Евдокимовна Ольшанская любит с ним беседовать. Жизненного опыта у старика хоть отбавляй, а мыслей разных да идей — только успевай подхватывать!

И ведь, главное, умеет обстановку учесть и текущий, как говорят, момент. Не тычет ученикам на классном часе: «Мы, мол, строили, мы начинали, а вам на нас молиться надо!» Нет, он издалека начинает: «Мы начинали, а вам нужно нас поддержать и достойно дело продолжить! Как продолжить? Очень просто — учиться надо хорошо. Нам грамотные нужны!» А то начнет об Экибастузской ГРЭС-1 рассказывать. (Вот ведь — почти 80 лет, а выбрался посмотреть!) И после его рассказа ученики на экскурсию просятся, сами хотят ГРЭС посмотреть!

Под стать Николаю Романовичу Колотеву и другой ветеран — машинист электровоза погрузочно-транспортного управления объе-

динения Экибастузуголь Павел Максимович Гордеев. Он участник Великой Отечественной войны, кавалер двух орденов Славы. Коллектив этого управления — шефы школы № 1. Елизавета Евдокимовна Ольшанская всегда с удовольствием приглашает в школу производственных вожатых, а они — воспитанники Павла Максимовича. Тот, правда, мало говорит о себе, больше о своих товарищах по работе, о профессии горняка. Он один из тех энтузиастов, кто все свое свободное время отдает коммунистическому воспитанию детей.

— Елизавета Евдокимовна, а что вам больше всего нравится в людях? От какой черты характера вы стремитесь избавить своих воспитанников?

Этот вопрос журналистка приберегла на конец беседы, но раз разговор коснулся (и всерьез) проблем воспитания, то оказался своевременным.

Елизавета Евдокимовна же считала, что беседа вошла в правильное русло: рассказывать о других ей нравилось больше, чем о себе. Она было собралась рассказать еще об опыте производственного вожака Юрия Марилова — инженера-геолога Майкаинской геологоразведочной экспедиции. С ним ей приходится довольно часто встречаться, и она заметила у Юрия недюжинный педагогический талант. Однажды она ему предложила... Да, но на вопрос нужно отвечать!

— Конечно, все отрицательные черты! — ответила Елизавета Евдокимовна. — Но одну терпеть не могу особенно — равнодушие! Писатель Бруно Ясенский взял к своему ро-

ману «Заговор равнодушных» такой эпитафия: «Не бойся врагов — в худшем случае они могут тебя убить; не бойся друзей — в худшем случае они могут тебя предать; бойся равнодушных — они не убивают и не предадут, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательство и убийство». Мы все воспитываем подрастающее поколение так, чтобы из него не созерцатели вышли, а борцы. Чтобы они не мирились с недостатками, разоблачали ложь, не проходили мимо правонарушителя. А. С. Макаренко говорил, подчеркивая активность коммунистической морали: «Честность праведника и честность коммунистическая — принципиально разные вещи». Так вот — мы не праведников воспитываем, а борцов-коммунистов. Равнодушные — зачастую праведники. Равнодушный человек, как бы он красиво ни говорил о своей готовности к подвигу, никогда не станет героем. К сожалению, у некоторых моих учащихся проскальзывают такие нотки равнодушия. Это результат, в частности, потребительского отношения к жизни, о котором мы уже говорили. У таких есть только так называемая «завтрашняя активность». Они говорят: «Вот когда нужно будет, мы себя покажем!» Или: «А что сейчас, вот раньше! Революция, война — вот где подвиги!» Они не представляют себе, что и нынешнее время тоже нуждается в подвигах. Может, не столь ярких, как подвиги Александра Матросова или Павки Корчагина, но — в подвигах. Да вот, что за примером далеко ходить. Расскажу я о Юрии Марилове...

Однажды сказала ему Елизавета Евдокимовна: «А ведь у вас талант! Вы бы шли педагогом работать!» Но Юрию Марилову по душе своя работа — инженера-геолога. Правда, последнее время все чаще и чаще ловит он себя на мысли, что работа производственного вожатого становится как бы второй его профессией. И так считает не только он, его товарищи тоже «обрели себя» в воспитателях. В. Краснощек ведет в подшефной четвертой школе геологический кружок. Вместе с ребятами создали геологический музей, подбирают коллекционный фонд по минералам. С. Горбунов ведет секцию по волейболу, В. Сидорчук — шахматный клуб «Белая ладья». Его посещают 80 ребят. Производственные вожатые создали совет микрорайона, а при нем — школьный отряд юных дзержинцев. Они никогда не пройдут равнодушно мимо беспорядков. Вожатые оборудовали школьные кабинеты, каждый из них еще и консультант по предметам.

Сам Ю. Марилов считает себя специалистом по работе с трудными детьми. Опыт у него большой, как-никак вожатый с 1972 года! Занимается с ребятами по математике (влияние Е. Е. Ольшанской!), по русскому языку. Главное, считает он, поддерживать постоянный контакт с ребятами. Не раз целым классом школьники выезжали в летние полевые лагеря геологов, в пансионат на озере Джасыбай. По опыту знает, что дети всегда ждут чего-то нового, интересного. Поэтому формы и методы работы необходимо менять, разнообразить их. Долг каждого рабочего и

специалиста, считает Ю. Марилов, с душой относиться к ребятам, не жалеть сил и времени для их воспитания.

— А как вы расцениваете результаты вашей деятельности по коммунистическому воспитанию?— спросила журналистка. И, кажется, поняла, что вопрос этот не следовало бы задавать.

Елизавета Евдокимовна поняла ее замешательство. Что ж, все правильно, молодым не терпится видеть результаты... А то, что делают она и сотни педагогов, вожатых-производственников и других людей, не приводит к мгновенному результату. Не один год пройдет, прежде чем можно будет говорить о каких-то итогах. У нынешних школьников тогда уже свои дети появятся...

Елизавета Евдокимовна вспомнила про письмо, которое прислала ее недавняя выпускница Зоя Ким. Письмо так и начинается: «Спасибо Вам, Елизавета Евдокимовна!» А выпускные вечера? Сколько благодарности в адрес учителей и сколько неподдельной грусти в глазах вчерашних школьников. Они сейчас в разных уголках страны, судьбы их уже мало зависят от знаний математики... Впрочем, кандидатом наук стал поклонник математики, победитель многих олимпиад Лопает, инженером железнодорожного транспорта — Лидия Браун, круглая «пятерочница» по математике. Да разве вспомнишь здесь всех! В угольных разрезах, на каждом предприятии Экибастуза трудятся десятки ее выпускников, и среди них немало прекрасных инженеров, передовых рабочих. Их имена на досках

Почета, на страницах газет. Это Владимир Колодуб — инженер разреза «Центральный», Леонид Белокузов — машинист тепловоза в погрузочно-транспортном управлении, Игорь Омаров — монтажник на сборке роторных экскаваторов. Она помнит их всех в лицо, и на улицах города, пока идет в школу или домой, обязательно встретит кого-нибудь из своих учеников.

Но все же об итогах говорить преждевременно.

— Рано еще говорить о результатах, — мягко сказала Елизавета Евдокимовна. — Даже на республиканской конференции, которая проходила у нас в Экибастузе, мы больше говорили о том, что делается, о проблемах, пока еще не решенных...

На этой конференции был всесторонне рассмотрен вопрос о совместной работе школы, семьи и общественности по коммунистическому воспитанию подрастающего поколения. Высоко оценили деятельность Экибастусской городской партийной организации, которая глубоко и всесторонне решает эту сложную проблему, отвечающую требованиям XXV съезда КПСС.

Координационным центром всей работы стал организованный при горкоме партии совет по коммунистическому воспитанию детей, одним из членов которого является и Е. Е. Ольшанская. В совет входят работники партийных, советских, профсоюзных, административных органов, учреждений культуры, здравоохранения, народного образования, рабочие и служащие — все те, кто непосред-

венно заинтересован в воспитании будущей смены.

Совет стал действенным органом в жизни городской партийной организации. На нем обсуждаются вопросы учебно-воспитательной и шефской работы, другие проблемы. Действуют десять секций — дошкольного, эстетического, физического и правового воспитания, пропаганды педагогических знаний и другие, ведется работа по месту жительства с детьми и подростками.

Важное значение придает совет информированию трудовых коллективов, родителей о состоянии обучения и воспитания детей и молодежи. На предприятиях и по месту жительства общественные информаторы беседуют об экономике и культуре города, рассказывают о положении дел в дневных и вечерних школах, о неблагополучных семьях и трудновоспитуемых детях. Такие встречи в Экибастузе очень популярны. Аудитория их — более 10 тысяч человек. Творческое содружество производителей и подшефных школ приносит свои плоды: взрослые, вовлеченные в педагогическую работу, подтягиваются сами, понимая важность воздействия положительного примера. А у юных экибастузцев из года в год повышается успеваемость, углубляются знания, улучшается дисциплина.

Десятую пятилетку общественность города начала под девизом: «Работе с подрастающим поколением — коммунистическое отношение!» Это значит, что в биографию молодого города будет вписана еще одна яркая страница.

— Мы обязательно добьемся своей цели. Вы знаете... — Елизавета Евдокимовна помолчала, подбирая слова. Сказать нужно было о самом сокровенном, что держала она глубоко в душе. Уж очень хотелось Елизавете Евдокимовне помочь девушке-журналистке, только начинающей свой профессиональный путь. А помочь ей — значит раскрыть себя.

— Вы знаете, я не представляю себя сейчас без Экибастуза. Будто всю жизнь здесь прожила. Не могу себя вообразить и без своей работы. Часто кажется, что моя биография началась здесь... В конце-концов в каждом из моих выпускников — частица моей биографии. Ведь они — и на стройках, и в разрезах, и на заводах Экибастуза...

Она помолчала и сказала буднично, не взглянув на часы:

— А сейчас будет звонок.

Действительно, чуть помедлив, будто прислушиваясь к ее голосу, подал резкий свой голос звонок. Елизавета Евдокимовна отметила радостно про себя, что чувство времени восстановилось после каникул. Но в мыслях она уже была на уроке в седьмом «А» и готовилась объяснить новую тему. Тут, впус- тив бойкий шум перемены, заглянула в кабинет одна из учительниц, и Елизавета Евдокимовна, попрощавшись, пошла устраивать хлопотные школьные дела.

А журналистка еще сидела и быстро писала в блокноте. Она долго искала тему и теперь, кажется, нашла. Нашла и своего героя, вернее, героиню — Елизавету Евдокимовну Олшанскую. Журналистка еще не догадывается,

хотя и чувствует, что тема эта будет одной из главных в ее работе, что не раз ей придется встретиться с Елизаветой Евдокимовной, и ее биография, как это часто бывает, станет частью и журналистской биографии. Правда, в блокноте так и осталось громкое название будущей статьи: «Инженер человеческих душ». Только журналистка она начинающая, и ей это простительно.

С. Горбунов

ДОРОГИ ВЫБИРАЮТ НАС

...Стройку лихорадило. Утвержденные графики ведения работ срывались один за другим. Авралы на площадке Экибастузской ГРЭС сменялись баталиями в домино. Поэтому Василий Сизинцев нервничал. Он всегда мог найти работу для своей бригады, но такие поиски ему порядком надоели. А тут, как назло, косяком пошли дефектные конструкции. Это еще больше распаляло Василия. Видя, что многочисленные перепалки ни к чему не приводят, Сизинцев искал, с кем бы еще поговорить и высказаться о наболевшем. Такой случай представился. Присмотрев в котловане главного корпуса станции группу людей, которые прохаживались между фундаментами, смонтированными его бригадой, Василий ринулся вниз.

В разговор он вмешался сходу. Выбрав из группы одного, наиболее представительного товарища, Василий поинтересовался: не с того ли он завода, который поставляет их бригаде элементы фундамента?

Представьте себе, так и оказалось. Именно этот товарищ и был главным инженером того самого завода, что безбожно гнал брак.

Василий Алексеевич Сизинцев, бригадир на строительстве Экибастузской ГРЭС-1:

— Разговор у нас с этим товарищем был серьезным. Я его носом тыкаю в бракованные детали, а он на них смотрит и говорит: ничего, детали нормальные. Я ему о точности стройки, о необходимости миллиметр к миллиметру, секундно-угловое измерение секунда к секунде подгонять, о том, что наша ошибка, наш брак приведут к таким последствиям, что тошно будет. Черта с два такую махину переделаешь, и вколоти мы в эти переделки не один и не два миллиона. Чисто надо делать, сразу чисто! Надоели переделки, недоделки, перестройки, реконструкции. Куда как проще новое хорошо построить, чем старому жизнь давать.

Пошли мы с ним по площадке, я ему фундаменты показываю, Он не ахает, а присматривается, меня, вижу, вполуха слушает, свое думает. И то сказать, в деле человек видит свою продукцию, не на бумаге, не в графике «поставка-выдача», а в живом деле. Даже не в цехе, где все гладко и красиво.

— Ладно,— говорит,— понял вас, товарищ Сизинцев. Тяжко с вами соглашаться, но придется. У нас есть такой обычай: начнешь строить что-то большое, идет бетон — ну, и вма-

жешь в него ладонь. Себе на память, потомкам на удивление.

— Ну, вот,— говорит,— гарантирую качество. И свою ладошку к плите приложу. Как печать.— И засмеялся.

— Правду отвоевать нетрудно,— продолжает Василий, помолчав.— Я имею в виду правду большую, всем ясную. Но вот случается, что в большой правде ты, как Прометей: клюй-расклюй тебя, не согнешься. А в небольшой, неглавной правде иной раз готов рукой махнуть. Стоит ли, мол...

— Нет,— поправляется он,— не то сказал. Форма нас порой заедает, или, как говорят, регламент. Получается, ты на работе такой, думаешь, вот то и вот это, это любишь, это ненавидишь, за это стоишь. А позовут тебя на трибуну... ты и двух слов сказать не сумеешь порой.

...В тресте Экибастуэнергострой проходило собрание актива. Был приглашен на него и Василий Сизинцев, вожак одной из лучших бригад монтажников, коммунист.

Готовился к выступлению Василий основательно, собрал данные. Специально не писал ничего, знал, что слова придут сами и сами скажутся, было бы о чем говорить.

Тут-то и случился казус.

— Незадолго до собрания мне дают листки. Прочтите, говорят, внимательно. Читаю. Смотрю — это же моя речь, та самая, которую мне кто-то написал и которую я с трибуны прочесть должен. Все красиво, как положено — вступление, основная часть, заключение. Суть же такова — поднимается бригадир монтажников

Василий Сизинцев на трибуну, разворачивает свои листки и говорит: «От имени своего монтажного управления и по поручению товарищей заверяю, что монтажное управление достойно, досрочно, не снижая темпов...»

Здесь-то и задумался я. Слова хорошие, правильные, а заверения вроде бы пока ни к чему. Это одно. Второе — за бригаду я головой поручусь, дай только вовремя все, что необходимо. А тут мне не за бригаду приходится говорить и отвечать, а за управление.

Собрание идет, а я с товарищами из бригады текст выступления составляю. Так, чтоб уж все сказать и все вещи своими именами называть. Что мешает трудиться, что нужно сделать, чтобы работать от души, все помехи и неурядицы сообщая на бумагу переносим, и светлеет у меня душа. И ребята мои говорят: думы-то у нас одни, дело общее делаем.

А на собрании выступить не удалось. Время перебрали... Да, кстати, мы вот с вами говорим, вы записываете. Что, это и вправду в книгу войдет?

— Да.

— Книга — дело серьезное. Тогда слушайте. Я вам все рассказываю, вы все записываете, и если книга будет, то это станет и моим выступлением. Только я не о том, что вот деталей нехватка, фронт работ не организован. Я вам о главном.

...Мы сидим в номере гостиницы. Не спеша покуривая сигареты, Василий рассказывал о себе, о работе, о семье. Каждый факт или событие Василий старается осмыслить по-своему, дать личную оценку. При этом на всем про-

тяжении беседы в его манере держаться, говорить не проскользнуло ни намек на браваду или самодовольство. Чувствовалось, что Василий Алексеевич в любой обстановке остается самим собой. При этом он не старался приукрасить свою личность, выставить ее в выгодном свете. Бесхитростно начнет рассказывать о семейных заботах, о том, что растут сыновья и что за ними глаз да глаз нужен, так как он мечтает вырастить их честными и трудолюбивыми. И хорошо, если они будут строителями.

Примется Василий иронизировать над собой по поводу того, что уже второй год на даче не может домик достроить. Перед женой и соседями стыдно. И все из-за того, что времени не хватает. Даже на рыбалку забыл, когда выбирался.

В его рассказе можно было заметить одну закономерность: о чем бы он ни говорил, как-то незаметно разговор сводился к производственным интересам. Василий все видит через призму социальных интересов. Например, принялся рассуждать о честности, о том, что это качество человеку нужно прививать с детства, опять перешел к делам бригады.

Был у них такой случай. Приезжает как-то Василий на строительную площадку, а ему говорят, что в их бригаде один молодой монтажник упал с высоты и теперь его повезли домой. Как это случилось, толком никто не знал. Но бригадира успокоили: судя по виду парня, страшного ничего не произошло, скорее всего, просто сильно испугался. Не удовлетворившись расспросами, Василий сел в машину и по-

ехал проведать рабочего. Приезжает в общежитие — лежит монтажник на кровати в одежде и обуви и уже изрядно хмельной. Василий к нему с вопросами: что да как, почему выпил? А парень зарядил свое: болен он, мол, и все.

— Вижу, обманывает, — говорит Сизинцев, — но делаю вид, что верю ему. Ладно, дескать, болей, но чтобы больничный лист принес.

Через день парень вышел на работу. Ведет себя так, будто ничего не случилось; на второй — то же самое. Василий тоже молчит. На третий день молодой монтажник не выдержал игры в «молчанку» и сознался бригадиру, что всех обманул. Ни с какой высоты он не падал, все это выдумал, чтобы уйти с работы и устроить себе отдых.

Это был первый и последний случай, когда в бригаде лгали. Не принято такое здесь. Есть в коллективе и другой неписанный закон — если кто провинился (что, кстати, бывает очень редко), то нагоняй дает не только бригадир, каждый судит проступок и оступившегося.

— А как же иначе? — удивляется Василий. — Я ведь не нянька. Все мы равны, заняты общим делом, так что должны учить и воспитывать друг друга.

Такая педагогика дает очень эффективные результаты. Не было случая, чтобы в работе один подвел другого. Недаром Василий, как о самых близких своих друзьях, отзывается об Анатолии Фалине, Юрии Сайбеталове, Рафике Сулейманове, Владимире Овчарове, Хакиме Маликове, Александре Гусеве, Федоре Осьмиченко. Ценит их бригадир за сноровку в работе

и видит в них образец нынешнего строителя. Почти все они учатся в монтажном техникуме или повышают квалификацию. Одним словом, как выразился Сизинцев, люди смотрят вперед. А такие Василию по душе.

Перед тем, как их бригаде должны были присвоить звание комсомольско-молодежной, Сизинцев долго думал, смогут ли оправдать они это звание. Еще раз проанализировал все варианты работы по-новому, предусмотрев даже возможные при этом случаи срывов. Зато, когда бригада стала комсомольско-молодежной, никакие аварийные ситуации на стройплощадке не могли поставить ребят в тупик. Монтажники Сизинцева уверенно, из месяца в месяц значительно превышали плановые задания. Предварительные расчеты, предвидение событий позволили Василию Алексеевичу оперативно выполнять любую работу.

Или еще пример. Как-то в начале осени встретились мы с ним у края котлована, где бригада монтировала фундаменты ГРЭС-1.

— Как дела, Василий? — задаю первый вопрос.

— Видишь, — он кивнул на фундаменты. — Опять топчемся. Две недели уже обещают завезти колонны главного корпуса, а пока ничего нет. Понимаешь — душа болит. Сам же знаешь, какие зимой метели. Задуют котлован — и прощай, работа, привет, авралы. Уж пора обходиться без «героических вахт». Пора строить, работать спокойно, ритмично, уверенно. Уходить с площадки и знать — завтра в 10.00 будет бетон, в 11.00 будут плиты перекрытий, в 12.00 придут колонны, в 14.00 можно

начинать монтаж фундамента... Необходимо в строительство переносить промышленный, индустриальный опыт. На тракторном, наверное, бывали?

— Бывал.

— На алюминированном?

— Конечно.

— Если там в такое-то время машины не выйдут или боксит не поступит...

— Ситуация редкая, Василий.

— Вот я и толкую. Там редкая, а у нас норма. Норма ненормальности! И где — в строительстве! Считается нормальным то, что должно вызывать тревогу, о чем в барабаны бить надо, что исправлять надо решительно, всеми средствами!

Я полюбил ГРЭС. Мне нравится ЭТЭК. Огромное, прекрасное дело. Минимум на век делаем, не правда ли? Я боюсь суда времени, боюсь осуждения тех, кто будет уже не строить, а работать здесь. И хочу, чтобы все — все! — помнили об этом. Чтобы рука каждого осталась на стройке подписью, как на самом серьезном и ответственном документе. И чтобы каждый, приложивший руку, думал про себя: а не окажется ли этак лет через полста подпись фальшивой?...

Мне показалось, что можно сейчас задать тот вечный вопрос, сформулированный не мной — другими.

— Василий, вам что — больше всех надо?

Он помолчал, закурил и посмотрел на меня слегка иронически. Кажется, сначала не думал отвечать, но — кто знает, по каким причинам — ответил. И такими словами, которые

ставили в один ряд и мой вопрос, и его необходимый ответ.

Он так сказал:

— Я не буду, ты не будешь... Кто будет?

Это была и есть его жизненная линия, единственная, неоспоримая.

Он не бравировал, не выставя себя таким «государственным» мыслителем. Просто успех своей бригады он видел в успехе всей стройки, в наведении элементарного порядка на всех этапах производства. Поэтому «мое» и «наше» у него взаимосвязаны, и Сизинцев не может представить, как эти понятия могут существовать раздельно.

...Кто же он такой, Василий Алексеевич Сизинцев? На этот вопрос трудно ответить однозначно. С одной стороны — бригадир одного из лучших коллективов на строительстве Экибастузского топливно-энергетического комплекса, человек думающий, видящий перспективу, с другой, как он сам говорит, — не идеальная личность. Долго пытался Василий вспомнить, какие общественные поручения он выполнял за все годы работы на стройках, да так и не припомнил. Да и про переход в трест Экибастуэнергострой, который возводит ГРЭС-1, из Экибастузского монтажного участка СМУ Павлодарпромстрой, где он был на хорошем счету, Сизинцев также сказал без всякого романтического пафоса:

— Конечно, хотелось попробовать себя на такой стройке. Каждому лестно здесь бывать. Как-никак, а громко звучит — трудился на всесоюзной ударной... Но была и другая причина — надоели командировки. Наш мон-

тажный участок свернул свои работы в Экибастузе, приходилось часто выезжать в Павлодар и Ермак. А мне уезжать надолго от семьи не по душе.

Экибастузская ГРЭС-1 — вторая всесоюзная стройка для Василия Сизинцева. Первая была в Новокузнецке, где он возводил Запсиб. Поначалу он и еще четверо парней из села решили податься на Братскую ГЭС. Уже договорились, когда поедут покупать билеты. Но тут из Новокузнецка домой, в село, приехал их односельчанин. Узнал о планах ребят и начал разубеждать. Что вам, дескать, Братск, у нас на Запсибе не хуже. И романтики и работы хватает. В общем, уговорил он Василия. Товарищи уехали в Братск, а он по комсомольской путевке со своим новым другом отправился на сооружение комплекса-гиганта. Поехал, еще толком не зная, что будет там делать, но с твердой уверенностью, что «сачком» и нахлебником не станет.

— Мать мне на дорогу сто яиц сварила, — улыбаясь, говорит Василий. — Все волновалась, как я там один буду. До этого я никуда из дому не уезжал. Но вот — дорога позвала...

На новом месте он освоился быстро. Сказались и компанейский характер, и целеустремленность. Вскоре он стал бетонщиком третьего разряда, получил специальность трубоукладчика. О трудолюбивом парне с уважением отзывались товарищи по работе. И когда через год его призвали в армию, они наказывали Василию возвращаться.

Но все сложилось иначе. Сизинцев заканчивал службу на границе, когда заболела мать,

пришлось после увольнения в запас вернуться в село. Здесь он и семью завел. Работа на селе хоть и давала неплохой заработок, но Василию все чего-то не хватало. Возможно, тех масштабов, к которым он привык на Запсибе, того ритма работы. Может быть, сказалось то, что с селом ничего уже не связывало.

Решил с семьей уехать в Барнаул. Поступил там работать на один из крупных заводов. Но к чувству неудовлетворенности — дело не по душе — прибавились еще и бытовые неурядицы.

— Нелегко было, — вспоминает Василий, — всем вроде бы хорошо на заводе, а чувствую — не мое это занятие. Однажды я в газете увидел объявление: приглашают в Павлодарскую область на прокладку канала Иртыш — Караганда, обещают жилье. Посоветовался с женой и направился в Павлодар.

...Он проснулся в Экибастузе. Вышел на перрон из вагона. Досада такая — хоть плачь: надо же проспять свою станцию! Жди теперь, когда попутный поезд пойдет. Расстроенный, присел на скамейку в привокзальном сквере — небольшом оазисе чахлых тополей. Сидит, курит и злится на себя. Вокруг степь, сухая трава. Бараки да редкие островки двух- и трехэтажных домов. Ну да ладно, ему здесь не задерживаться.

Размышления прервал какой-то парень: попросил закурить. Разговорились. Еще люди подсели. Выслушали они историю Сизинцева, посочувствовали, и вдруг один из них предложил ему остаться в Экибастузе. Что, мол, тебе терять? Ты не смотри, что город пока неказист,

зато какие у него перспективы! Можно ска-
зать, по углю люди ходят, только успевай его
добывать. А значит, и Экибастуз будет расти.
Жилье здесь получить можно, главное — по-
казать себя в работе.

Сизинцев, представьте себе, остался. И по-
том он не раз вспоминал тех собеседников.
Правы оказались они. Через месяц Василию
дали комнату в бараке, через два — благоуст-
роенную квартиру. Работа нравилась. Пожа-
луй, с этого момента он почувствовал под но-
гами твердую почву, ощутил уверенность,
по-настоящему смог развернуться, показать
себя в труде. И невольно подумалось тогда
Василию Сизинцеву, что не те дороги, которые
мы выбираем, а те — которые нас...

А работы был непочатый край. Бурное раз-
витие угольных разрезов требовало привлече-
ния рабочих и специалистов, которым необхо-
димы были жилье, культурно-бытовые усло-
вия. И Василию, который устроился бетонщи-
ком в трест Иртышуглестрой, приходилось
возводить объекты и на разрезах, и в самом
городе. Теперь он переквалифицировался в
монтажника — рабочих такой специальности
в тресте не хватало.

Прошли годы. Василий Алексеевич стал од-
ним из лучших монтажников в бригаде. И ког-
да вожак этого коллектива пошел на повыше-
ние, на его место поставили Сизинцева.

Случайным ли было такое решение адми-
нистрации участка?

Вообще-то в жизни Василия многое проис-
ходило в какой-то мере непредвиденно: соби-
рался в Братск — поехал на Запсиб, направ-

лялся на прокладку канала — очутился в Экибастузе, устраивался в трест бетонщиком, а переквалифицировался в монтажники. И вот теперь — бригадир...

Но здесь случайность ни при чем. Уже в то время в характере Василия окрепли, определились черты, которые начальник монтажного управления, где сейчас трудится Сизинцев. Алексей Дмитриевич Криворотов охарактеризовал кратко: честен, скромн, талантливый организатор, болеет душой за порученное дело, видит перспективу и в работе, и жизни.

Нет нужды в подробностях описывать, как осваивал Василий Алексеевич Сизинцев бригадирский пост, как возводил объекты Экибастуза. Достаточно сказать, что его бригада всегда была в числе лучших, везде стремилась добротн выполнить свою работу. К этому Василий стремится и на объектах ГРЭС-1. Он уже подумывал, как добиться бригаде звания коммунистического труда, как полностью искоренить брак, еще крепче сплотить ребят.

Первые шаги к воплощению задуманного уже делаются. Бригаде, как одной из лучших — точнее, опытнейшей, — поручено монтировать все фундаменты главного корпуса ГРЭС-1. И она справляется с заданием. Надо сразу сказать, что сделать это не так легко. И не только потому, что нередко монтажников подводят снабжение и качество изделий. Их работа довольно сложна, и вот почему. Элементы фундамента достигают веса 20 тонн, велики и их габариты. Собрать их нужно с такой точностью, чтобы многометровые колонны, установленные на них — а высота корпуса

станции в отдельных местах достигает 80 метров,— были строго перпендикулярны основанию. Таких фундаментов необходимо установить более полутора тысяч. Но ни руководители управления, ни сами рабочие не сомневаются, что все будет выполнено в срок.

Если встать на краю котлована, посмотреть сверху на фундаменты, то создается впечатление, что смотришь на упорядоченный городок. В четыре ряда на всю пятисотметровую длину котлована уходят идеально ровными рядами блоки-«домики». На многих из них уже выставлены металлические колонны, образуя с балками и ригелями причудливое переплетение. Это уже дело рук других монтажников.

...Мерно тек разговор. Но настало время прощаться. Зная, что Василий приболел (мы и встретились-то, когда он возвращался из поликлиники) и что больничный лист у него не закрыт, я поинтересовался, когда он выйдет на работу.

— Завтра,— ответил он.— Надо узнать, как там дела без меня идут. Да кое-какие инструменты нужно выколотить. Так что утром встретимся на стройплощадке.

Он вышел на улицу. Из окна было видно, как он шел,— высокий, худощавый, энергичный, в резиновых сапогах, уверенно ступая по раскисшей от дождя земле. Завтра он вновь, забыв о болезни, будет мотаться по стройке, опять вернется в родную стихию. На таких вот людях, как Василий Алексеевич Сизинцев, и держатся стройки, благодаря им вершатся по-настоящему грандиозные дела. Потому что такие люди — подлинные хозяева.

В. Хижняк

ВЫСОТА РАФАИЛА САДЫКОВА

На первый взгляд, работа бригады Рафаила Садыкова может показаться незначительной. Ведь кто такие в нашем представлении настоящие монтажники? Конечно же, эти люди трудятся на впечатляющих своими размерами объектах, на такой высоте, что с земли кажутся не больше птиц.

А бригада Рафаила Садыкова? Работают на земле, в стороне от главного корпуса станции. И вначале впечатление такое, что попал ты не на монтажную площадку, а на неупорядоченный склад случайных деталей. Однако именно здесь, на этой площадке и начинается создание главного корпуса будущей станции, здесь определяется и задается ритм сборки главного корпуса ГРЭС-1, ритм всей большой стройки.

Сюда поступают вагоны с металлоконструкциями, затем их собирают строго по чертежам в крупные блоки, весом около сорока тонн каждый. Краны грузят готовые узлы на мощные тягачи «Ураганы», а те доставляют колонны или перекрытия на главный корпус для окончательного монтажа. Такая технология во всех отношениях эффективна — согласитесь, что на земле выполнять сварочные и сборочные работы гораздо проще и безопаснее, чем на головокружительной высоте. И стоят они дешевле, и выигрыш во времени значителен. Вот только не всегда эти доводы кажутся бесспорными.

— Пришел к нам в бригаду, — рассказывает Рафаил, — хороший монтажник, надежный товарищ Фарид Гараев. Поработал месяц, другой. Но смотрю, что-то не то с парнем происходит. Стал мрачнеть, на шутки не откликается, словом, затосковал. В чем же дело? А надоело мне, говорит, на земле ковыряться. Пойду проситься в высотники.

Что ему ответишь? Сказать, что у самого поначалу такое же чувство было? Хорошо, отвечаю, иди в высотники. И я пойду, не откажусь. И все ребята в бригаде пойдут. И остановится монтаж главного корпуса. А в семьдесят девятом году турбина заработает...

Объяснил я ему все, что сам передумал. Не в тихом тылу мы находимся, а как раз на переднем крае всей великой стройки. Ведь если разобраться, мы продолжаем дело первоцелинников. Напомнил ему, как тепло отзывается Леонид Ильич Брежнев в своей книге о пер-

вопроходцах-целинниках, как ценит тех людей, что работают не ради славы, не ради того, чтобы непременно быть на виду, а ради общего дела. Благодаря им теперь известен всей стране Экибастуз, некогда безвестный поселок, не отмеченный ни на одной карте. Конечно, первым быть нелегко. Если боишься нашего повседневного неяркого труда — иди. Помогу перейти в другую бригаду...

И Фарид остался в бригаде, сумел по-иному, другими глазами увидеть роль небольшого коллектива в большом деле, понять необходимость своего скромного труда.

Вначале, когда Садыкову, опытному монтажнику, предложили заняться укрупнением конструкций, испытал он все те чувства, что и Фарид. Разумом убеждал себя, что надо же кому-то заниматься и этим делом, а сердце требовало другого — привык быть Рафаил всегда на высоте и в прямом, и в переносном значении этого слова. Вроде бы в тени оставался он теперь. Да и работа незаметная какая-то: площадка на отшибе. А главное — дело-то твое заканчивают другие!

Нет, совсем о другом мечталось, когда приехал в Экибастуз. Площадка под будущую ГРЭС-1 была тогда ровной, собственно, ее и не было как таковой, а расстился кусок ровной каменистой степи, продуваемой всеми ветрами. Начинали рыть котлован под фундамент, а сам Садыков занимался прозаическим делом — монтировал вагончики для строителей. Зимой строил водозабор, утешая ребят, что скоро начнется настоящая работа. И вот она началась, а тут такая досада!

Но со временем не поспоришь, а ведь оно в корне изменило профессии и технологию строительства. Годы, когда монтажники сами все делали от начала и до конца, безвозвратно ушли. Узкая специализация, разграничение операций дают невиданную прежде оперативность монтажных работ. Уж кто-кто, а Рафаил Садыков прекрасно это видит: ведь за плечами у него не одна крупная стройка.

Начиналась строительная биография Рафаила Садыкова почти двадцать лет назад, и ее начало положила комсомольская путевка на Троицкую ГРЭС. До этого он жил с родителями в селе, о будущей своей профессии особенно не задумывался. Но вот взял и поехал после армии прямо на стройку, где и попросился в монтажники. Уже через несколько лет коренастый крепыш с внимательными глазами стал признанным мастером монтажного дела.

На первой своей стройке встретил Рафаил и свою любовь. Жейтима только что закончила двухгодичные курсы электросварщиков и работала там же, на Троицкой.

Вскоре Рафаил и Жейтима уехали в Сибирь, на строительство Ачинской ТЭЦ. Приложили к ней умелые, добросовестные руки, оставили после себя добрую память у товарищей по работе. И опять ждала их новая дорога, новый объект — Ермаковская ГРЭС, крупнейшая тепловая станция в Казахстане.

Эта стройка для семьи Садыковых была особой. Возводили они станцию от первого до последнего колышка. Сейчас он приезжает на ГРЭС и входит в ее сияющий машинный зал, как в родной дом, — все до мелочей знакомо.

Сегодняшний ЭТЭК напоминает ему начало стройки в Ермаке. Точно так же выжженную солнцем и морозами степь разбудил грохот самосвалов и всей многочисленной строительной техники. Создавать энергогигант на берегу Иртыша съехались тысячи добровольцев со всей страны. Строить приходилось буквально все: жилье, школы, детские сады, производственную базу и саму станцию.

Скоро там, где издавна лепились подслеповатые домишки крохотного аула, вырос благоустроенный поселок городского типа со всеми необходимыми культурно-бытовыми объектами. В центре поселка энергостроители разбили сквер и установили памятник Владимиру Ильичу Ленину.

Наступил долгожданный день пуска первого энергоблока станции мощностью триста тысяч киловатт. Этот незабываемый морозный день декабря 1968 года навсегда запомнил Рафаилу. Он услышал много добрых слов сказанных в адрес и его и бригады. Но главное — был сделан первый шаг и теперь идти будет легче.

Впереди были годы упорной работы, вплоть до того дня, когда диспетчер станции включил рубильник и в энергетический океан страны влилась река электричества с последнего, восьмого блока Ермаковской ГРЭС.

Здесь Рафаил стал коммунистом. Здесь он получил и первую высокую награду — орден Трудового Красного Знамени.

Новая стройка — новая бригада, новые люди и отношения. И хотя его бригадирский стаж перешагнул пятнадцатилетнюю отметку,

Рафаил прекрасно понимает — создать коллектив гораздо труднее, чем просто издать приказ о составе бригады. Да и настоящим вожаком за короткое время тоже не станешь. Тут, что скрывать, у него хватает собственного горького опыта. В Ачинске, где он впервые стал бригадиром, часто хотелось бросить все, прийти в управление, положить на стол заявление и сказать:

— Все, хватит! Отныне я просто монтажник, и только.

Но переборол тогда себя, и незаметно — только ой как не сразу! — исчезла неуверенность, пришел опыт, а с ним и заслуженный авторитет.

Сегодня воспитанники Рафаила Садыкова работают и в Сибири, и в Ермаке, и на многих станциях Советского Союза. Есть они и в Экибастузе. Ныне бывший его звеньевой Владимир Мурашкин известен как знаменитый бригадир. Имя его печатают газеты, оно звучит в передачах радио и телевидения, на торжественных собраниях — и разве не приятны такие минуты для наставника?

Сегодня бригада Садыкова — двадцать пять человек — составляет единое целое. В ней нет таких, кто пытался бы отлынивать от работы, переложить часть своих обязанностей на другого. А к новичкам отношение особенное, заботливое, дружеское, но принципиальное. Сформулировать его можно примерно так — ты рабочий и я рабочий; но я постарше тебя и опытнее, потому прислушивайся.

— Обучить профессии — еще полдела, — считает Рафаил. — Нужно научить пониманию

важности своей работы, но не только как средства хорошего заработка, а в первую очередь необходимости ее стройке, стране, людям. Тогда не бывает скучных дел, тогда все они интересны и равнодушию места не остается.

Выделить кого-либо из бригады Рафаилу трудно. Ребята все трудолюбивые, грамотные, очень дотошные. А уж тут бригадир времени не жалеет, его правило — на каждый профессиональный вопрос отвечать до мельчайших подробностей. Он и просто рассказывает, и сопровождает пояснения чертежами, и непосредственно на металлоконструкциях демонстрирует приемы грамотного, высокопрофессионального труда.

Мне пришлось как-то побывать на одном из таких занятий. Стоя рядом со сварочным аппаратом, бригадир объяснял, показывал.

Я дословно записал объяснение бригадира, не понимая практического значения ни одного из сказанных им слов. К моему немалому удивлению, ребята кивнули, подтверждая, что все им понятно, и разошлись по своим местам. Что ж, современному рабочему без специальных знаний не обойтись.

Сколько таких уроков на монтажной провел Садыков, подсчитать трудно. Каждый рабочий день его наполнен заботами о ребятах.

— Интересно, передадут ли они свои знания, опыт другим? — задумывается вслух Рафаил. — Надеюсь, что обязательно. Так же, как мне отдавали свои знания, как я ими сейчас стараюсь поделиться. Это вечная и неразрывная цепь.

Е. Гусляров

ТРУБОКЛАДЫ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Звеньевой Николай Голубев не просто озабочен. Он растерян. Ходит вокруг опалубки, похожей на гигантский купол цирка «шапито», и изливает свою растерянность в словах, ни к кому конкретно не обращенных:

— Где я возьму сто метров троса, если я ни одного метра не получал? Если его нет и не предвидится?

Нет, а надо.

Главный инженер проекта Давид Гладштейн терпеливо ждет, когда оформится решение. Но каким оно будет?

— Васильич, — говорит он, нарушая сосредоточенность мастера участка, который, в отличие от звеньевого, стоит на месте, гипнотизируя взглядом опалубку. — Васильич, нужен трос, хотя бы стычной, лишь бы опалубку стя-

нуть. Пять градусов всего на дворе, боюсь, при такой температуре бетон будет распирать опалубку.

— Режь меня, — великодушно предлагает мастер, — но даже ржавого куса этого троса нет. Да и беспокоиться нечего. Бетон пойдет подогретый, с паром.

На верхней площадке опалубки, на самой верхушке «шапито» тем временем вовсю разворачивается деловая суeta бригады трубокладов. И снова приходит сравнение с цирком, совсем не случайное — площадка похожа на арену, выстланную свежеструганными сосновыми досками, от них исходит чудесный запах смолы.

Трубоклады по ходу дела переделывают тачки, которыми на первых порах будут развозить по арене бетон, равномерно заполняя им опалубку. Переделывают столь необходимое «средство механизации» на свой лад, как подсказывает им немалый опыт. Каждая тачка получает имя, которое тут же наносится на новенькие борта. Самая большая названа, например, «Титаник».

— Да не от того, что большая, — смеются ребята, — она, как тот пароход, переворачивается часто, и всегда без предупреждения.

Начинается дело.

Автобус с крупной и яркой надписью «Энерговысотспецстрой» останавливается в нескольких шагах от опалубки, и из него выходят именитые специалисты — авторы уникальной трубы Экибастузской ГРЭС-1.

Разговоры ведутся эмоциональные, но сугубо деловые. В профессиональные реплики о

проверке уклонов, зазорах, шаблонах и прочих непонятных неспециалисту вещах вложено немало жару, но так уж водится в ожидании праздничной минуты: какая-то приподнятость, волнение будоражат людей.

Начальник Экибастузского участка Энерговисотспецстроя Николай Сергеевич Печерский ходит по слегка вздрагивающим доскам верхней площадки. Он оглядывает сверху всю огромную махину опалубки так строго и внимательно, словно видит ее впервые, словно это не он вот уже два месяца, в зной и холод, ветер и дождь, безвылазно находится здесь.

Все готово. Можно начинать, но нет бетона.

Николай Сергеевич несколько раз нервно взглядывает на часы, потом бросает водителю: — На бетонно-растворный.

Автобус срывается с места. Видно, и водителю не терпится.

Вообще-то понятно, почему бетон задерживается. Дело в том, что марка «четыреста» будет приготовлена в этот день тоже впервые. А марка эта далеко не проста — нужен бетон высокопрочный и пластичный, быстросхватывающийся и при этом на долгие годы сохраняющий упругость.

...Вот так и начиналась закладка первой трубы из каскада экибастузских ГРЭС. О ней уже много писали.

Труба уникальна. Высота ее достигнет трехсот тридцати метров. Завершать строительство будут с помощью вертолетов. Внутри трубы предусмотрен особый кремнебетонный ствол, который защитит основное тело от разрушительного жара. Но, вероятно, самым важным

и главным для будущего является то, что возведение ее будет осуществляться необычным способом: впервые при строительстве труб такого диаметра и высоты применяется скользящая опалубка, которая позволит вести непрерывное бетонирование от первого до последнего метра. Конструкция опалубки разработана специально для ЭТЭКа виднейшими специалистами Советского Союза и Германской Демократической Республики.

Я вспоминаю те два напряженных месяца, которые были заполнены для трубокладов сборкой опалубки. Сначала следовало собрать ее, вжиться в ритм стройки, освоить сложнейшее оборудование, — а потом и возводить трубу.

Было много споров. Выдвигались разные точки зрения, среди которых самой разумной представлялась — пригласить из других областей опытных трубомонтажников и поручить им это дело. Но такое решение было бы правильным в том случае, если бы в Экибастузе строилась одна, две трубы. Но их гораздо больше, а значит, нужны свои, собственные кадры.

Сегодня можно сказать, что такие мастера есть.

Наконец-то! Выходит машина с первым бетоном. Ее окружают, с нетерпением, с некоторым даже почтением смотрят на зеленоватую поверхность раствора.

Можно везти? Нет. Бетон должен пройти еще один контроль. И пусть сейчас это просто формальность — ведь готовили раствор со старанием и тщательностью, — но лаборант

Светлана вовсе не хочет остаться в стороне от дела в такой день. Более того, в кабине самосвала находится и главный лаборант завода, чтобы лично присутствовать при торжестве закладки первого бетона.

Светлана поднимает конус. Бетон разливается, и все внимательно следят за его медленным движением — вязкая лепешка должна составить в диаметре не более двенадцати и не менее десяти сантиметров. Примерно так и получается. Все довольны, но главный лаборант неудовлетворен.

— Надо же, — говорит он, — на заводе пробовали, все было точно. Растрясло его, что ли...

И срочно отправляется на завод изменять состав раствора, варьировать добавки.

А первый бетон бережно, торжественно подают наверх. Тачку опрокидывают в воронку сразу трое. И получается, что слава укладки самого-самого первого бетона принадлежит теперь троице — бригадиру Сергею Лазареву, трубокладу Николаю Сидорову и прорабу Ивану Педеру.

В город возвращаемся поздней ночью. За нами остается ярко освещенная опалубка трубы, что приняла первые кубы бетона. И кто-то говорит:

— А смотрите, ребята, — хоть и низко труба сидит, а уже красивая.

— Раста начала, — отвечают ему.

И, пожалуй, эти слова, этот короткий обмен репликами и останутся в памяти самым ярким знаком этого первого дня.

ОПАЛУБКА

Труба ГРЭС-1 растет.

Мне часто приходится слышать разговоры об опалубке. Первое знакомство с этим словом и предметом, что стоит за ним, мне подарил незабываемый стройотрядовский год. Это — нехитрые деревянные щиты, сколоченные из бросового леса. Между ними было пустое пространство, в которое мы лили ведра шлака, замешанного с цементом и водой. Самая простая вещь на свете, проще колеса. Поразительно, до чего хорош был дом, сляпанный нами — вот уж действительно сляпанный — с ее помощью!

...Давид Гладштейн, главный конструктор опалубки, начал рассказ с неблизких времен. Он напомнил, что идея скользящей опалубки принадлежит началу века.

— Самая простая вещь, — сказал он, — имеет тенденцию к развитию. Она стремится соответствовать требованиям времени, словно не хочет быть отброшенной и забытой. Это касается абсолютно всего...

До сих пор с помощью скользящих опалубок строились только трубы сравнительно небольшого диаметра и малой высоты. Максимальный их диаметр у основания составлял не более двадцати метров. Если же возникала потребность в сооружении больших размеров, то строили трубу обычным способом, применяя переставную опалубку, и только на высоте около сорока метров начинали монтировать скользящую. Этот чрезвычайно неудобный, трудоемкий и дорогостоящий метод был явно

несовершенным, по всем показателям отставал от требований дня.

Почти два года назад в кабинетах и лабораториях московского института Гидроспецпроект все чаще и чаще стало звучать слово «скользящая». Конструкторы Давид Гладштейн, Валерий Аврукин, Вениамин Грифкин и Валентина Буганина решились на большой и рискованный эксперимент.

Работа продолжалась полтора года. В ней было все — и напряженный поиск, и бессонница, и самый «обычный» риск первопроходцев.

Казалось, дело было совсем за малым. Идея известна, оставалось только увеличить диаметр опалубки. Но как на основе маленькой шлюпки не построишь большого океанского корабля, так и простое увеличение диаметра не могло дать решения. Изменились, например, требования к сварке деталей. Опытные сварщики прошли специальный курс подготовки. Каждый шов просвечивали рентгеном не менее придирчиво, чем это делает врач. Потребовались и конструктивные изменения многих деталей.

Словом, за полтора года было выполнено более двух с половиной тысяч чертежей, изобретен принципиально новый механизм подъема опалубки во время заливки. Он уже опробован в Экибастузе и оправдал ожидания.

По всем расчетам, скорость возведения труб при использовании скользящей опалубки должна была увеличиться вдвое — и это при самых медленных темпах. Возведение трубы ГРЭС-1 с применением новшества как раз

укладывалось в жесткий график строительства всей электростанции. Традиционные же методы были непригодны.

Так и получилось, что опалубка номер один, сразу после заводских испытаний на прочность, была отправлена прямо в Экибастуз.

НАКАНУНЕ

До первого дня было немало других дней, имеющих прямое отношение к нему, к бригаде.

Бетонный завод начинался с неудач. А ведь для любой большой стройки отсутствие нормально работающего бетонного завода — почти трагедия.

И хотя близились к завершению работы по реконструкции и доводке завода до необходимой производственной мощности и на стройку стало поступать по сто шестьдесят кубометров в смену вместо прежних пятидесяти, для перспективы этого было недостаточно.

В разговоре с Зауре Масиной, инженером-лаборантом, прояснились некоторые причины такого положения: нехватка людей, заводы-поставщики песок, щебень и гравий направляют низкого качества, оттого у заводчан дополнительные хлопоты, теперь как никогда нужно качество и качество, ведь бетон, который пойдет на возведение трубы, готовят впервые, да и сама труба из подобного бетона — первая в нашей стране.

Так я впервые услышал о бетоне марки «400». Оказалось, что пробный выпуск его ведется уже около месяца, но продукция пока далеко не всегда отвечает требованиям.

Есть такое понятие — построчные условия.

Это условия максимального соответствия требованиям стройки. В данном случае бетон должен производиться непрерывно, в больших количествах и в течение длительного времени.

Главного технолога Всесоюзного объединения Гидроспецстрой Александра Васильева я нашел в цехе.

— Из такого бетона, о котором вы спрашиваете, в нашей стране построено пока одно сооружение. Это — Останкинская телебашня. Но считаю, что настоящую пробу бетон «четыреста» пройдет здесь, в Экибастузе. Все дело в построечных условиях. Конечно, условия, в которых строилась телебашня, по сравнению с нашими были идеальными. Бетонный завод, построенный для башни, был рассчитан на выпуск именно этой марки и никакой иной. Самые высокие пробы цемента применялись для ее сооружения. Между тем, — продолжает Александр Васильев, — должен подчеркнуть, что по своему масштабу строительство труб экибастузских ГРЭС вполне сопоставимо со строительством знаменитой телебашни. Взять хотя бы первую трубу, к возведению которой мы готовимся. Бетонная часть Останкинской башни равна тремстам восьмидесяти метрам в высоту, а труба всего лишь на пятьдесят метров ниже. В телебашню вложено двенадцать тысяч кубометров бетона, здесь будет десять тысяч. Нагрузка на стены сравниваемых объектов практически одинакова. А самое главное, что заметно отличает нашу трубу от Останкинской башни, — строительство ее ведется из сложнейшего бетона в не менее сложных условиях...

укладывалось в жесткий график строительства всей электростанции. Традиционные же методы были непригодны.

Так и получилось, что опалубка номер один, сразу после заводских испытаний на прочность, была отправлена прямо в Экибастуз.

НАКАНУНЕ

До первого дня было немало других дней, имеющих прямое отношение к нему, к бригаде.

Бетонный завод начинался с неудач. А ведь для любой большой стройки отсутствие нормально работающего бетонного завода — почти трагедия.

И хотя близились к завершению работы по реконструкции и доводке завода до необходимой производственной мощности и на стройку стало поступать по сто шестьдесят кубометров в смену вместо прежних пятидесяти, для перспективы этого было недостаточно.

В разговоре с Зауре Масиной, инженером-лаборантом, прояснились некоторые причины такого положения: нехватка людей, заводы-поставщики песок, щебень и гравий направляют низкого качества, оттого у заводчан дополнительные хлопоты, теперь как никогда нужно качество и качество, ведь бетон, который пойдет на возведение трубы, готовят впервые, да и сама труба из подобного бетона — первая в нашей стране.

Так я впервые услышал о бетоне марки «400». Оказалось, что пробный выпуск его ведется уже около месяца, но продукция пока далеко не всегда отвечает требованиям.

Есть такое понятие — построчные условия.

Это условия максимального соответствия требованиям стройки. В данном случае бетон должен производиться непрерывно, в больших количествах и в течение длительного времени.

Главного технолога Всесоюзного объединения Гидроспецстрой Александра Васильева я нашел в цехе.

— Из такого бетона, о котором вы спрашиваете, в нашей стране построено пока одно сооружение. Это — Останкинская телебашня. Но считаю, что настоящую пробу бетон «четыреста» пройдет здесь, в Экибастузе. Все дело в построечных условиях. Конечно, условия, в которых строилась телебашня, по сравнению с нашими были идеальными. Бетонный завод, построенный для башни, был рассчитан на выпуск именно этой марки и никакой иной. Самые высокие пробы цемента применялись для ее сооружения. Между тем,— продолжает Александр Васильев,— должен подчеркнуть, что по своему масштабу строительство труб экибастузских ГРЭС вполне сопоставимо со строительством знаменитой телебашни. Взять хотя бы первую трубу, к возведению которой мы готовимся. Бетонная часть Останкинской башни равна тремстам восьмидесяти метрам в высоту, а труба всего лишь на пятьдесят метров ниже. В телебашню вложено двенадцать тысяч кубометров бетона, здесь будет десять тысяч. Нагрузка на стены сравниваемых объектов практически одинакова. А самое главное, что заметно отличает нашу трубу от Останкинской башни,— строительство ее ведется из сложнейшего бетона в не менее сложных условиях...

Пока мы разговаривали, бетономешалка, окруженная лаборантами, механиками и операторами, успела загрузить четыре машины. Главный технолог, проверяя смесь, морщился и коротко говорил:

— Не то... Нет, не то.

Пятая оказалась «тем».

— Вот так и держите,— приказал он.— Не больше ста шестнадцати литров воды на куб.

Потом он сказал мне, и в голосе его не было ни бравады, ни самоуверенности:

— Вообще бетон — такая загадочная штука, что можно надеяться только на опыт...

Самым первым на строительство трубы прибыл Николай Сергеевич Печерский, опытный строитель. Некоторое время Николай Сергеевич, единственный трубоклад, представлял в своем лице и начальника участка, и весь его коллектив. То был период напряженной организационной работы — надо было присмотреться к обстановке и месту будущих работ, искать людей, устанавливать связь между различными организациями, которым предстоит так или иначе иметь отношение к строительству трубы.

Потом прибыли механик, геодезист, мастер и стала комплектоваться бригада трубокладов. В нее вошли местные строители. Самая высокая труба, которую они до сих пор видели, была труба местной ТЭЦ — около семидесяти метров.

Начала приходить опалубка — тысячи деталей, горы металла, из которых должна быть собрана машина.

И надо было случиться: когда испытывали опалубку в Можайске, на заводе-изготовителе, при разборке не промаркировали детали. Теперь их приходилось собирать буквально наощупь, методом подгонки и бесконечных проб. Тысячи сочетаний, тысячи неудач и какое облегчение, какая радость царили на площадке, когда узлы начинали связываться. Но и это еще не все. Некоторые узлы были просто некомплектными. А потом работы и вовсе, казалось, зашли в тупик. Получалось, что собранные нижнее и верхнее кольца невозможно состыковать, так как отверстия не совпадали. Руки у ребят, надо признаться, опускались.

Вот тут и сказался организаторский талант Николая Сергеевича. По нескольку раз в месяц он собирал бригаду, словом и делом помогал людям вновь обрести уверенность в работе.

А когда опалубка, наконец, пошла, то, как всегда бывает, о тех трудных минутах и днях никто уже не хотел вспоминать.

— Да что трудности, они везде бывают,— говорил прораб Иван Педер, когда я попросил его вспомнить все-таки, что чувствовали ребята тогда.— Тут другое важно. Мы понимали, как велико дело, которые нам поручили. Вот и... сделали. Приятно вспоминать...

Сегодня труба Экибастузской ГРЭС-1 поднимается над степью на девяносто с лишком метров. В июле 1979 года она взметнется во всю свою высоту.

Это будет только первая и еще не самая высокая из тех, которые станут самой главной приметой ЭТЭКа.

М. Жумадилова

НА ЧЕМ ЗЕМЛЯ ДЕРЖИТСЯ

Валера Чмелев — самый молодой монтажник из бригады Василия Алексеевича Сизинцева. Сегодня эту бригаду и ее бригадира знает весь Казахстан. Уверена, и о них напишут стихи и песни, как написали о строителях Братска, Усть-Илима, Нурека, Байкало-Амурской магистрали.

Но все по порядку.

Я приехала на Экибастузскую ГРЭС-1 в тот знаменательный день, когда устанавливали первую колонну главного корпуса. Стройка только разворачивалась, и так бросался в глаза алый флаг, четко вырисованный на голубом небе, так пел ветер, путаясь в конструкциях кранов, так радостны и торжественны были люди, что я поняла самое главное — сокровенную необходимость ее участников быть имен-

но здесь, выбрать именно ЭТЭК и точкой приложения сил, и местом жизни.

Тогда я еще никого не знала на ГРЭС, и почти никого — в Экибастузе. Совсем недавно, кажется, только вчера, закончились прекрасные годы студенчества. Но диплом — это только аванс, и только от тебя зависит, как оправдаешь его...

Сегодня я понимаю, как мне повезло. По распределению попав на Павлодарскую студию телевидения, я услышала предложение: поехать собкором телевидения и радио в Экибастуз. Предупреждали, что будет трудно (кому и где поначалу бывает легко?), но там начинаются такие большие дела такая намечена долгосрочная программа, что просто везенье для журналиста оказаться в самой гуще новых событий. И не просто оказаться, а получить возможность пристально, повседневно всматриваться в события, видеть их в развитии.

Повторяю, в тот день я еще никого не знала на ГРЭС-1. Стояла вместе с людьми, смотрела на флаг, слушала речи и приглядывалась к людям. Обветренные лица, крепкие руки, выдавшие виды спецовки. Как-то я во всем этом разберусь, как смогу говорить с этими людьми?

Митинг закончился. Загудели моторами «Ураганы» — мощные машины, похожие на те, что возят ракеты. Только их грузом были фундаментные «подушки», бетонные детали до 19 тонн весом. Вот это, подумалось мне, самый подходящий груз для всех машин — и никаких ракет!

«Ураганы» шли в котлованы, где бригада монтажников занималась укладкой фундамента.

— Сизинцев работает, — подсказали мне, — первая комсомольско-молодежная бригада на стройке. Крепко вкалывают ребята.

Работали весело, споро и дружно. Какая-то особенная ловкость отличала и движения, и организованную быстроту труда, то самое качество, которое уже тогда метко называли «почерком Сизинцева».

Василий Алексеевич, узнав, зачем мы пришли, задумался на мгновение, чуть заметно улыбнулся какой-то своей мысли и крикнул:

— Валера! Чмелев! Иди-ка сюда, корреспондентка с тобой поговорить хочет.

И пошел навстречу высокому, стройному парню — подменить его на время разговора.

Валерий подошел и улыбнулся доброй, открытой улыбкой. Тогда я и поняла, что угадал Василий Сизинцев и мою неопытность, и мое смущение, и совершенно правильно решил, что ровесники легче поймут друг друга.

Так я получила очень ценный, незабываемый урок тактичности.

Вот и Валера Чмелев. Отвечал он на вопросы коротко, предельно конкретно, старался быть точным и скупым в словах — а все равно проскальзывала в ответах и юношеская влюбленность в свою работу, и радость, что трудится бок о бок с настоящими товарищами. Ясность восприятия мира, безоговорочное принятие его как светлого, справедливого, верного, неподдельная гордость от того, что он работает не где-нибудь, а здесь, на грандиозной

стройке — вот что звучало помимо воли в его словах, в том, как он их произносил.

Я узнала имена передовиков, цифры, планы, обязательства — все, что необходимо для короткой информации. Казалось бы, задание выполнено. Но уже появилось во мне и окрепло убеждение, что именно новый знакомый мой лучше всех поможет разобраться в характере города и стройки, разглядеть и оценить людей, увидеть их вблизи.

Вот почему я предложила Валерию встретиться еще раз, просто поговорить. Повезло: оказалось, что мы соседи, что его мама, Людмила Федоровна, как и он сам, всегда очень рада гостям.

С традиционных фотографий в их квартире смотрят лица двух сестер и двух братьев Валеры. Такие же добрые, открытые улыбки. Мама Валеры знает о моем приходе, и на столе все накрыто для чая. Мне неожиданно приходится выступить в необычной роли — не я расспрашиваю, а они. Рассказываю, отвечаю на вопросы. И странно, что признание своей неопытности впервые меня не смущает. Наверное, дело и в доброжелательной обстановке, и простоте, душевности отношений в этом доме.

В комнате Валеры, как и у каждого молодого человека, стоят телевизор, магнитофон. Книжки, конспекты на полках, на столе.

— Включим музыку тихонько? — спрашивает Валера. — Купил из первых зарплат, — поясняет он, нажимая клавишу. — Здесь эстрада, потом будет орган. Могучая штука, правда?

Он любит орган. Ему никогда не приходилось — еще не приходилось — бывать на концертах органной музыки. Это его мечта.

Разговор наш, начавшись с обычных тем, довольно скоро перешел к стройке, городу, ГРЭС. Порой шутят, что на работе мы говорим о домашних делах, а дома — только о работе. Доля истины в шутке этой есть, конечно. Вот и для Валеры работа, его дело незаметно и властно стали главной заботой, определили содержание жизни, придали ей особую наполненность.

— Еще что? — спрашивает он. — Еще школа. Получилось так, что вовремя закончить не удалось. Маме было трудно. Когда стал это понимать, решил, что в десятый не пойду. Во-первых, стыдно таким здоровяком на шее матери сидеть, терпеть таких не могу; во-вторых, вечерние школы есть — учись.

— Знаете, — говорит он чуть позже, — начинаю я разбираться в нашей жизни, понимать, что в ней к чему, и ясно вижу: все от тебя зависит. Абсолютно все, можно достичь любых высот, стать кем хочешь. И плата от всех требуется одна — труд. Разве это не справедливо?

Сейчас он учится в одиннадцатом классе. И особенно привлекают его точные науки. Однажды готовил доклад по физике, о работах Резерфорда, а увлекшись открытиями великого ученого, раздобыл новые книги.

— Такой мир открывается, — говорит он о физике, — бесконечно увлекательный мир. Вы понимаете: раскрыв его, человек получит невероятные возможности. Это похоже на сказ-

ку, не будь это истиной. В будущем появятся электростанции принципиально новые... Представляете — стоит, например, здание не больше обычного домика, на крыше антенна небольшая. И излучает эта станция такую же энергию, как наша будущая ГРЭС-1, а может быть, и больше. Или это будет принципиально новый вид энергии. А вокруг лес шумит, и никаких труб, золоотвалов, железных дорог...

Он замолкает на несколько секунд. Что скрывать: восхищаясь и гордясь гигантскими стройками, мы все чаще бываем встревожены — как-то они действуют на окружающую среду, не нанесут ли ей необратимый ущерб? Не оставим ли мы потомкам пустыни вместо лесов и сухие ложа рек... Не поблагодарят они нас за такое наследство.

— Нет,— говорит он,— по экибастузским ГРЭС все продумано и рассчитано. Так что строим со спокойной душой.

После девятого класса Валерий недолго думал над выбором места работы. Пошел бы, конечно, в разрезы, на экскаватор, но ни возраст такой возможности не давал, ни образование. И вот попало объявление: Экибастузскому автопассажирскому предприятию требуются ученики слесарей-мотористов. Взяли, трудовую книжку завели, сделали в ней первую запись и выдали пропуск.

— Мне везет на наставников. Прихожу на свою первую рабочую смену, направляют к Василию Демидову. Оказался он добрым парнем, немногим старше меня. «Ну, что, друг, учишься! — сказал так и по плечу похлопал.— Помогай, смотри: меняем вкладыши в шату-

нах двигателя.— И ныряет головой под открытый капот двигателя. Я рядом пристраиваюсь. Василий послушал внимательно и определил — вкладыши стучат. Я слушаю — да, стучит. Но что стучит, где стучит, и стучит ли вообще?.. Потом стал понемногу разбираться. С помощью Василия, конечно. Подгоняют к тебе автобус, ты прислушиваешься к работе мотора.словно врач к сердцу больного. И удивительно — все слышно, все понятно, и как лечить — тоже ясно...

Два года Валерий проработал в предприятии. Получил соответствующий разряд, авторитет приобрел. И однажды подал заявление об уходе. Причины ясной он и сейчас назвать не может, только догадывается, что увело его с той первой работы то же, что потом привело на ГРЭС. Назову это тягой к большому делу, хотя и понимаю всю относительность такого определения.

Сыграло роль и другое — были у него знакомые парни, электросварщики-асы, гордящиеся своей профессией и не упускавшие случая этак словно бы равнодушно, между делом, рассказать о сложнейшем задании, выполненном с блеском. Словом, вполне понятно в эти годы желание быть таким же неотразимым, деловым. Проучился три месяца на курсах.

— ...Научился, как с держакон управлять да шов наварить. Какой там электросварщик, смех один. Ошибся в себе, короче говоря. А если так, думаю, то самому и исправлять ошибку.

Но это он уже потом понял. Произошло все после встречи с бригадиром Сизинцевым.

А тогда, в то конкретное — и такое недавнее — время пришел на экибастузский участок треста Промстрой (что находится в Павлодаре) с документами электросварщика и направлением молодой парень в бригаду Бориса Петровича Тарапцева.

— Борис Петрович сварщик экстра-класса. Только пусть он не обидится, что я сейчас не о нем расскажу. Вы спрашивали, помню ли я свой первый рабочий день, я рассказывал уже. Но вот задумался сейчас: а какой все же свой рабочий день назвать первым? Думаю, что этот мой выбор, теперешний, и был главным и первым выбором. Не случайным, а сознательным и ответственным. Наверное, и день, о котором хочу рассказать, будет помниться первым настоящим рабочим днем. Иду по строительной площадке. На земле никого, монтажники на высоте, ищу Тарапцева. Нет Тарапцева, бытовка пустая, кричать же не станешь, верно? Работают люди. Решил ждать, а пока хожу, смотрю. Тогда строили торговый центр, объект для Экибастуза долгожданный, все им интересовались. Я тоже, конечно.

Немного погода вижу: у бытовки появились двое, разговаривают, горячо что-то обсуждают. Спрашиваю, как найти Тарапцева. Один им и оказался. А второй был Сизинцев, Василий Алексеевич. Тогда и пригласил к себе в бригаду.

Когда же его бригада решила в полном составе перейти на только-только начатое строительство ГРЭС, я напомнил Василию Алексеевичу о той нашей встрече и его приглашении. Так я нашел свое дело.

И еще одна первая встреча, о которой необходимо рассказать. Встреча со стройкой...

Стояло лето, солнечное, ясное, как всегда в этих краях. Днем солнце слепило и обжигало, а под вечер, когда Валера приехал на ГРЭС, грело ласково. От земли, прогретой и золотой, исходило тепло, и пахло тонко полынью и степными травами.

Именно тогда увидел Валера стройку во всей ее полноте.

Сомнений больше не было. Это и было тем, что он искал, и так счастливо совпало со встречей с прекрасным человеком, Василием Сизинцевым, с ребятами, что под стать бригадир.

Ему действительно везет, Валере Чмелеву.

...Каждый день они поднимают стройку ввысь, придают ей черты завершенности. Да и коллектив определяется все четче: слабые уезжают, сильные остаются, вырастают в дело.

— То, мое первое, восприятие стройки не меняется, а даже крепнет. Когда вы приезжали, мы ставили первую колонну, укладывали фундаментные подушки. Представляете — ведь это на века! Даже голова кружится, когда такое представишь... Вы непременно запишите вот что: не на трех китах Земля держится, а вот на этом — на наших руках...

Вовсе не потому написала я о Валере Чмелеве, что он лучший из лучших. Он такой, каких ребят много у нас, но ему удалось раньше других найти свою дорогу, свое настоящее дело. И это совсем непросто. А кроме того, Валера помог мне понять, на чем Земля наша держится.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
<i>В. Горбенко.</i> Слово об ЭТЭКе	5
<i>С. Шевченко.</i> Новая радость жизни	28
<i>П. Оноприенко.</i> Бригадир	42
<i>О. Павленко.</i> Аннины этажи	54
<i>П. Ревенко.</i> Щедрые пласты	62
<i>П. Оноприенко.</i> Как ускорить время	69
<i>Е. Авербух</i> (лит. запись <i>М. Касаткина</i>). Поверьте мне, как врачу	80
<i>В. Дегтярев.</i> Сейчас будет звонок	98
<i>С. Горбунов.</i> Дороги выбирают нас	118
<i>В. Хижняк.</i> Высота Рафаила Садыкова	132
<i>Е. Гусляров.</i> Трубоклады	139
<i>М. Жумадилова.</i> На чем Земля держится	150

ЭКИБАСТУЗ,

МОЯ

БИОГРАФИЯ

Составитель Виктор Иванович Горбенко

Редакторы *Л. С. Жандаулетова, К. О. Жапабаев*

Художник *В. М. Буцаков*

Худож. редактор *А. И. Мухамедгареев*

Техн. редактор *Ф. Г. Илизова*

Корректор *Т. В. Сергеенко.*

ИБ № 949

Сдано в набор 4.01.79. Подписано к печати 25.04.79. УГ05133
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага № 1. Литературная гарнитура, печать
высокая. Усл. печ. л. 5,8. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 4500 экз,
Заказ 286. Цена 35 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Казахстан» Государст-
венного комитета Казахской ССР по делам издательств, поли-
графии и книжной торговли, 480009, г. Алма-Ата, ул. Совет-
ская, 50.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфи-
ческих предприятий «Кітап» Государственного комитета Казах-
ской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торгов-
ли, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 39.

